

Юрий
Мухин

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Берия

За что его оклеветали?

Юрий Игнатьевич Мухин
Неизвестный Берия. За что его оклеветали?
Серия «Кремлевский триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373359
Неизвестный Берия. За что его оклеветали?: Алгоритм; Москва ; 2011
ISBN 978-5-6994-9875-8

Аннотация

Л.П. Берия, оклеветанный Хрущевым, стал для многих людей олицетворением зла. Между тем, будучи ближайшим соратником великого Сталина, он сыграл выдающуюся роль в создании непобедимой Советской империи. В частности, именно благодаря Берии в СССР в кратчайшие сроки, в тяжелое послевоенное время был создан ядерный щит, сделавший невозможным нападение США на Советский Союз.

Заслуги Берии перед Советской державой огромные; он мог бы сделать и больше, если бы не был подло убит почти сразу после убийства Сталина. Автор книги не сомневается, что это были именно убийства...

Содержание

Глава 1	4
Потсдам	4
Репарации	7
Молотов и атомная бомба	11
Проблема управления	15
Спецкомитет	19
Нефть для народа	21
Глава 2	23
Перебор кавказцев	23
Л.П. Берия. Справка	26
Предатели	28
Паника генералов	31
Начало победы	34
Прощенный предатель	36
Глава 3	38
Рабочий день	38
Тайные союзники	42
Вождь	45
Технические проблемы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Игнатьевич Мухин

Неизвестный Берия.

За что его оклеветали?

Глава 1

Начало шантажа СССР

Потсдам

После обеда 25 июля 1945 года Черчилль улетел в Лондон, чтобы, как все полагали, присутствовать на своей победе на очередных парламентских выборах. На конференции глав стран-победительниц во Второй мировой войне в Европе, проходившей недалеко от Берлина в городе Потсдаме, образовался перерыв в два дня.

Вечером, когда жара несколько спала, Сталин, Молотов и Берия вышли прогуляться в парк Нойен Гартэн.

Для оговоренной еще в Крыму конференции сам Берлин, после его штурма советскими войсками, никак не подходил, Потсдам тоже был сильно разрушен, посему размещать делегации и там было трудно. Но в Потсдаме сохранилось большое здание – дворец германского кронпринца, расположенный в парке Нойен Гартэн. В нем было достаточно помещений для заседаний и работы многочисленных экспертов и советников, а для размещения глав делегаций, министров иностранных дел и остальной свиты хорошо подходил пригород Потсдама – Бабельсберг, почти не пострадавший во время войны. В Бабельсберге до войны жили крупнейшие правительственные чиновники, генералы и прочие видные деятели нацистской Германии, в связи с чем он состоял из многочисленных удобных двухэтажных вилл, утопавших в зелени и цветниках.

Маршал Жуков, командовавший войсками в советской зоне оккупации, проявил бешеную энергию и чудеса верноподданнической старательности, послав в Потсдам многочисленные отряды и команды инженерных частей Красной Армии. Работа шла по 24 часа в сутки, и к 10 июля все было закончено. В помещении дворца, где должна была проходить конференция, капитально отремонтировали 36 комнат и конференц-зал с тремя отдельными входами. Американцам выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичанам для У Черчилля – розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. В Нойен-Гартэн соорудили множество клумб, высадили до десяти тысяч различных цветов, многие сотни декоративных деревьев.

Помимо прочих обязанностей, Берия все еще руководил Народным комиссариатом внутренних дел, поэтому в его работу входила и организация подслушивания конфиденциальных разговоров, которые вели между собой приезжавшие в СССР высокопоставленные иностранцы. И Берия знал, что подобная мишура давала прямо противоположный эффект, поскольку и премьер-министр Британской империи, и президент США были выборными руководителями, чьи требования избирательных кампаний заставляли вести себя скромно. Излишняя роскошь, которую предоставляла им советская сторона, может, и льстила им, но давала возможность громогласно издеваться над ненужной расточительностью «тоталитарного режима», противопоставляя эту, действительно ненужную, помпезность своей «демократической» скромности. Кстати, глава «тоталитарного режима»

И.В.Сталин, органически не терпевший никакой помпезности, приехав с вокзала в свою резиденцию в Потсдаме – виллу генерала Людендорфа, – тут же потребовал убрать из нее всю излишнюю мебель, которую с фельдфебельской старательностью со всей Германии стащил в нее маршал Жуков.

«Чем более застенчивым является генерал перед лицом противника, тем большую решимость и отвагу проявляет он в деле угождения начальству, – хорошо известный, хотя и мало вспоминаемый, закон военного искусства», – подумал Берия. И ему вспомнилось произведение Куприна, в котором командир учебной роты объяснял юнкерам, что русский офицер обязан отличаться благородством души и блеском сапог. «Что касается благородства души, то его у царского офицерства к революции почти не осталось, да и у нынешнего пока не сильно прибыло, – оценил ситуацию с офицерством Красной Армии Берия. – Но если эти циклопические усилия Жукова считать за блеск сапог, то блеска – да, блеска у нынешнего офицерства больше, чем нужно. Впрочем, – усмехнулся сам себе Берия, – над кем смеюсь? Я ведь уже две недели и сам Маршал Советского Союза».

В этот день встреча Сталина, Черчилля и Трумэна началась в 11 часов утра, а это время, когда Сталин, обычно работающий до 4–5 часов ночи, только просыпается. Поэтому утром спешащий Сталин не смог переговорить с Молотовым и Берией ни о чем, непосредственно не касающемся темы идущих переговоров с союзниками. Теперь же можно было поговорить не спеша, и Сталин решил совместить трудный (в чем он не сомневался) разговор с осмотром окрестностей, которые его, любившего цветы, не могли не интересовать.

Речь шла о сообщении, полученном от Трумэна вчера вечером, которое Сталин тогда же передал Молотову, а тот Берии, но обсудить его они не успели.

Накануне, 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда члены делегаций поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, президент Трумэн подошел к Сталину, и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Трумэн сообщил, что Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов, если считать в британской валюте, и создали новую бомбу! Исключительной силы! И уже успешно испытали ее! И эта бомба будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача!

Однако Сталин принял это известие настолько спокойно, что и Трумэн, и наблюдавший за их разговором со стороны Черчилль решили, что в тяжелых трудах Сталина заботам об атомной бомбе совсем не было места. Черчилль, к примеру, был уверен по виду Сталина, что если бы Сталин имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась благодаря наличию у США, и только у США, такого мощного и принципиально нового оружия, то это сразу было бы заметно. Более того, Черчилль считал, что ничто не мешало Сталину сказать: «Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?» Однако Сталин сохранял на лице веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда все начали разъезжаться, Черчилль подошел к Трумэну. «Ну, как сошло?» – спросил он. «Он не задал мне ни одного вопроса», – ответил Трумэн.

Отсюда Трумэн с Черчиллем пришли к выводу, что Сталин ничего не знает об атомном оружии, и, следовательно, СССР в атомной гонке безнадежно отстал, однако они ошибались.

Сталин об атомной бомбе знал очень много, но это не делало СССР сильнее.

В Нойен-Гартэн Сталин начал прерванный вчера разговор, восхищенно осматривая куст роз, разведением которых увлекался на своей даче.

– Какой прекрасный сорт! Интересно, приживется ли он в Подмосковье? – Затем повернулся к Молотову: – Так ты, Вячеслав, считаешь, что у союзников атомной бомбы еще нет и Трумэн с Черчиллем вчера просто блефовали, когда сообщили об ее успешном испытании?

– Думаю, блефуют, – как всегда, подумав, ответил Молотов, – набивают цену, чтобы убедить нас, что мы им больше не нужны для победы над Японией, и с японцами они, дескать, и сами справятся, а посему в вопросах европейского устройства мы им должны уступать. Они на нас давят этой бомбой – это как раз в характере Черчилля, и по его физиономии это было видно. Мы в своей зоне оккупации взяли всех найденных немецких физиков, допросили, и они, судя по всему, не врут – немцы были еще очень далеки от создания атомной бомбы. Неужели их так опередили американцы? Не верится...

– Не верится или не хочется верить? – спросил Сталин и обратился к Берии. – А ты, что думаешь, Лаврентий?

– Тут два вопроса, – тоже подумав, начал Берия. – Во-первых, они эту чертову бомбу создали. Наши компетентные источники информации нам пока недоступны – мы не можем пока с ними связаться, но, судя по веселью и пьянкам в кругах, связанных с этим проектом, скорее всего, позавчера они ее успешно испытали.

Но сколько этих бомб у них может быть? По нашим сведениям и расчетам, еще две, от силы, три. Ну, разрушат они два или три японских города, ну, убьют несколько десятков, пусть даже сотен тысяч мирных жителей – что из того? Они только разозлят японцев. Нет, без нас, без СССР, союзники войну с Японией не закончат. И только вступление в войну Советского Союза подорвет боевой дух японцев, только это заставит их капитулировать, ввиду полной бесперспективности дальнейших боевых действий.

Во-вторых. Они действительно блефуют. Им, чтобы закончить войну с Японией, нужны сухопутные силы, а их армия в Европе драться в Японию не поедет – разбежится. Правда, их генералы стесняются так говорить и говорят «самодемобилизуется». Их же солдаты тут, в Европе, счастливы, что уцелели в войне с немцами, а теперь сама мысль о том, что их ждет возможная смерть в боях с японцами, для американских солдат невыносима. Американские солдаты, да и большинство офицеров, открыто говорят, что они, дескать, свой долг исполнили – немцев разбили, и теперь пусть с японцами дерется кто-нибудь другой.

Так что Черчиллю и Трумэну мы нужны, как воздух, и нельзя им ни на копейку делать никаких уступок по этой причине – с бомбой или без бомбы, они войну без нас не закончат.

Репарации

Тут Берия вспомнил, что следующее заседание конференции, по договоренности глав государств, должно будет рассмотреть вопрос о репарациях с Германии и ее союзников, после чего в памяти мелькнуло обсуждение этого вопроса у Сталина еще в конце зимы. Тогда Сталин пригласил его в свой кабинет, в котором уже сидели Вознесенский и Микоян.

– Вот какой, довольно интересный вопрос, – жестом пригласив садиться, начал Сталин. – То, что мы немцев победим – это факт, осталось сделать это с минимальной кровью наших солдат. И теперь надо подумать, как заставить немцев хотя бы немного компенсировать нам потери в войне? О чем договариваться с союзниками после Победы? Ведь здесь два принципиальных момента.

Можно наложить на немцев большую контрибуцию. Вряд ли англичане и американцы дадут нам это сделать, но пробовать можно. Сразу немцы большую контрибуцию не выплатят, следовательно, придется получать ее в течение 10, а может, и 20 лет. Для этого надо оставить немцам все их заводы, они будут на них работать и выплачивать нам долг.

А можно вывезти у них по репарациям оборудование всех их военных заводов и включить его стоимость в сумму военных компенсаций.

Товарищи Вознесенский и Микоян предлагают идти по первому пути, я правильно вас понял, товарищ Вознесенский?

– Да, конечно. Оборудование нынешних заводов Германии уже и физически изношено, и морально устарело. А за немецкие деньги мы можем купить в США или у тех в мире, у кого оно есть, самое современное и эффективное оборудование.

Вознесенский, по мнению Берии, был человеком не на своем месте уже хотя бы из-за своих непомерных амбиций и гипертрофированного самолюбия. Освоив плановую работу, по сути, работу бухгалтера, но в масштабе государства, он был председателем Госплана и в этой должности заместителем Сталина в правительстве – в Совете Народных Комиссаров. Работы советской экономики не знал и не собирался в ее подробности вникать. Работал механически, полагаясь на числа в отчетах и советы своего аппарата. Понимал он это сам или нет, но из-за своего незнания в трудных вопросах он боялся принимать ответственные решения, стремясь, чтобы эти решения принял лично Сталин. Этим Вознесенский очень усложнял работу остальных хозяйственных руководителей страны, в том числе и Берии, хотя Берия был заместителем Сталина не только в правительстве, но и в высшем властном органе страны – в Государственном Комитете Обороны.

Не понимая, что он является самым слабым руководителем, Вознесенский очень обиделся, когда ему не присвоили звание Героя Социалистического Труда в 1943 году. До этого, еще в 1942 году, звание Героя было присвоено целому ряду хозяйственных руководителей звена нарком (министр) – директор завода, а потом Сталин счел, что это ненормально, что среди высших руководителей страны он единственный Герой, и представил к присвоению звания Героя своих заместителей – Молотова, Берию, Микояна и даже Маленкова.

Возможно, что из жалости и чтобы не обижать Вознесенского, из которого амбиции просто выпирали, Сталин представил бы к званию Героя и Вознесенского, но тот своей глупостью испортил все дело. Он в 1942 году поручил своему аппарату сострять себе докторскую диссертацию по экономике, а в 1943 защитил ее, и тут же угодливая Академия наук приняла его своим членом. Таким образом, Вознесенский получил нужным образом оформленные справки о том, что он лучший хозяйственник СССР. У него не хватало ума понять, что мнение о нем его товарищей-министров и его подчиненных, о котором он не заботился никак, в тысячу раз более почетно и ценно, нежели мнение безответственных и продажных болтунов из Академии наук. Но главным было время, которое он выбрал для защиты диссер-

тации и баллотировки в Академию – 1942–1943 годы, – страшнейшие годы войны, когда его товарищи по правительству и подчиненные света белого не видели из-за работы по приближению Победы. Вознесенский не понимал, что теперь присвоение ему звания Героя Социалистического Труда было бы оскорблением этому званию.

Берия, изучив Вознесенского, очень сомневался, что тот мог додуматься до мысли о контрибуции с Германии, Берия ни на минуту не сомневался, что идею явить Сталину свой академический гений ненавязчиво подсказал Вознесенскому хитрый Микоян – нарком (министр) внешней торговли СССР. В войне Советский Союз поистратил свой золотовалютный запас, и после войны Микоян рисковал остаться без работы, а валюта, поступающая из Германии, давала его наркомату надежду на постоянную работу и хороший кусок хлеба с маслом.

– Что вы по этому вопросу думаете, товарищ Берия?

Этим вопросом Сталин пояснил, зачем он вызвал Берия.

– Да, логика есть, – ответил Берия. – Но проработали ли товарищи Вознесенский и Микоян вот такие, с ходу пришедшие мне в голову вопросы.

Большая часть Германии будет оккупирована союзниками. Это сейчас мы им очень нужны, в связи с тем, что они без нас войну с Японией не закончат. Поэтому не исключено, что мы в документах по итогам войны сможем убедить их на выплату Германией достойной контрибуции. Но ведь как только мы перестанем быть им нужны, они тут же сделают так, что с той части Германии, которую оккупируют они, мы никаких денег не получим. Большая контрибуция – это журавль в небе. А будем собирать ее только со своей части Германии, озлобим против себя тех немцев, которых нам, собственно, злить ни к чему.

А вот оборудование тех заводов, которые наши войска захватят – оно наше, оно уже у нас. И лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Но не это главное. Мы демобилизуем армию. Где, на каких заводах будут работать наши демобилизованные солдаты? Даже если бы сейчас у нас было много денег, и мы сегодня заказали бы заводы в США, то пока там их спроектируют, пока поставят нам новое, еще не опробованное в работе оборудование, пока на нем будет отработана технология, пройдут годы.

А если мы перевезем к себе немецкое оборудование, то, во-первых, оно уже готово, во-вторых, технологические процессы на нем уже отработаны, в-третьих, мы среди пленных найдем специалистов для быстрого обучения наших специалистов работе на этом оборудовании. У нас не возникнет обычной для послевоенного времени безработицы.

Гитлер основные заводы построил перед войной, и даже в ходе войны, поэтому я бы не стал пугаться того, что они так уж сильно морально устарели. Потом, что такое морально устаревшее оборудование? Положим, это старый токарный станок. Да, на нем не выточишь гидрогайку, но простую гайку и болт выточишь без труда. Но у нас сейчас не хватает ничего – ни болтов, ни гаек, ни каких-либо станков, чтобы их точить, – ни старых, ни новых. А рассрочка в выплате контрибуции приведет к тому, что мы новое оборудование за рубежом будем покупать и вводить в строй очень долго, и очень долго еще и потому, что ни у кого не будет опыта эксплуатации такого оборудования. При таком подходе процесс восстановления нашего хозяйства будет идти очень медленно.

А для перевозки немецких заводов из Германии в СССР и для постройки у нас зданий этих заводов и фундаментов для этого оборудования потребуется хотя и много труда, но это будет, в основном, не очень квалифицированный труд. И вот тут, на мой взгляд, есть очень важный вопрос, который напрямую с экономикой как будто и не связан.

Если потребовать с немцев эту сомнительную контрибуцию, то нужно будет немедленно отпустить всех немцев из нашего плена – и из нашей зоны оккупации, и из англо-амер-

риканской, чтобы они работали в Германии – ведь контрибуция будет взиматься с каждого работающего немца.

А как же наказание за войну, за смерть наших людей? Как же наказание за то, что они голосовали за Гитлера? Нет, я считаю, что немецкие пленные должны поработать у нас и хотя бы немного загладить свою вину и вину Гитлера.

Не могу точно оценить, сколько пленных мы возьмем – часть-то пленных возьмут союзники, – но, думаю, миллиона три трудового ресурса низкой квалификации мы будем иметь. А может, и больше. К станкам их не поставишь – к станкам нужно ставить свободных людей, чтобы они имели стимул повышать квалификацию. А пленных придется использовать в строительстве, но в строительстве каких предприятий, если для этих предприятий нет оборудования?

И не только о пленных речь. Масса наших мерзавцев служила и служит у немцев. Простить их нельзя! Представляете, товарищ Сталин, вернется такой мерзавец, служивший у немцев пусть даже и в обозе, в свое село, а вокруг вдовы, мужья которых убиты с помощью этого мерзавца. Каково будет этим вдовам? Поэтому таким мерзавцам хоть пять лет, а дать надо. И, думаю, таких негодяев будет несколько сот тысяч.

Так что и справедливость требует держать синицу в руке, хотя и контрибуцию, конечно, требовать надо.

В итоге я за то, чтобы сразу же выгрести из Германии все, что нам может пригодиться. Этим мы выиграем два-три года в собственном развитии.

– Что касается рассрочки выплаты контрибуции, – вступил в разговор Микоян. – Мы могли бы взять кредиты и погашать их этой самой, получаемой в рассрочку контрибуцией. Но мы купили бы новые и современные оборудование и заводы, а не старые и изношенные.

– Ты, Анастас Иванович, не беспокойся – мы закупки за рубежом прекращать не собираемся, и работы тебе, наркому внешней торговли, хватит, – усмехнувшись, сказал Сталин. – Тут вопрос в другом. Наша цель – как можно быстрее построить такой Советский Союз, который бы не нуждался в закупках оборудования за рубежом, который бы любую сложную технику мог делать сам. А для этого СССР нужны опытные ученые, инженеры и рабочие. И опыт эти люди получают в собственной работе, а не в созерцании чужих достижений.

Образно этот случай можно описать так. У нас есть возможность или немедленно получить грузовик с мотором мощностью 30 лошадиных сил и грузоподъемностью 1 тонну, или через три года получить 3-тонный грузовик в 70 лошадиных сил. Что лучше? Лучше немедленно начать возить грузы на 1-тонном грузовике и работой на нем воспитать кадры конструкторов, механиков и шоферов, которые через пять лет безо всяких закупок из-за рубежа сами построят и сами будут успешно эксплуатировать 10-тонный грузовик. Мы не потеряем время не только для восстановления народного хозяйства, но и для обучения и воспитания кадров.

Тогда так и решили.

А буквально накануне, в начале июля 1945 года, Берия вызвал к себе наркома (министра) нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбакова. Тому было 34 года, наркомом он стал едва полгода назад, а предприятия его наркомата были разбросаны по всей территории СССР. Конечно, Байбаков был горд должностью, но, в то же время, внутренне сознавал, что он не охватывает всех проблем отрасли и не справляется с той массой дел, которая на него навалилась.

Когда Байбаков вошел в кабинет, Берия стоял у карты Советского Союза, испещренной пометками предприятий, за работу или строительство которых он отвечал. Приветливо поздоровавшись с молодым наркомом, своим протеже, Берия не спеша начал.

– Николай Константинович, нам досталось множество немецких химических заводов, работавших на войну. К примеру, в Польше, в районе Освенцима, немцы построили ком-

плекс современных химических предприятий, на которых евреи, согнанные в концлагеря Освенцима со всей Европы, из местных углей производили для немцев каучук, моторное топливо, взрывчатку и многое другое.

Советскому Союзу вся эта продукция нужна, поэтому эти заводы обязательно нужно перевезти в СССР, смонтировать и заставить эти заводы работать на нас.

Байбаков, и так не справляющийся со своим объемом дел, ужаснулся.

– Но товарищ Берия, я нарком нефтяной промышленности, а это химия, эти заводы – это не мое дело, это дело Главгазтоппрома!

– Во-первых, – спокойно уточнил Берия, – и не мое, во-вторых, знаю, какой вы промышленности нарком, товарищ Байбаков, но Советскому Союзу нужна продукция этих заводов, понимаете – нужна! И Политбюро поручило мне организовать ее производство, а вы подчиняетесь мне. Так что включайте в состав своего наркомата Главгазтоппром и считайте это дело своим!

– Слушаюсь, товарищ Берия, но вы берете у правительства поручения, а выполнять потом мне.

– Вы паникуете, Николай Константинович, раньше времени, – начал сердиться Берия, – вам гордиться нужно тем, что в вас верят, а не ныть!

Давайте лучше прикинем, где в Союзе их разместить? Эти производства требуют много воды, поэтому нам нужны такие районы, чтобы и уголь был в избытке, и река была.

Начнем с Донецкого угольного бассейна, – Берия посмотрел на карту. – Пусть специалисты Главгазтопа поищут площадку для строительства где-нибудь в низовьях Дона – в районе Ростова или Новочеркаска.

Так, Урал. Тут, пожалуй, удобно опереться на реку Белая. Рядом и бурые угли, и нефть Башкирии. Пусть поищут подходящую площадку в районе Уфы или Стерлитамака.

Ну, и что-то нужно дать Сибири. Тут очень хороши Черемховские залежи угля. А рядом Ангара. Давайте-ка именно сюда перебросим предприятия из Освенцима. Комбинат будет очень большой, возможно, собственно в Иркутск его перемещать и не стоит... Видимо рядом придется основать новый город, какой-нибудь Ангарск.

– И за сколько же лет мы должны будем управиться с этим делом?

– За два года.

– Невозможно!

– Опять вы за свое! – рассердился Берия. – Ничего. Глаза боятся – руки делают, управимся...

Берия в мыслях отключился от этих мгновенно промелькнувших воспоминаний и вернулся в Потсдам.

– И надо постараться, – сказал он Сталину и Молотову, – как можно больше немецких заводов вытащить из зоны оккупации союзников.

Молотов и атомная бомба

– То, что они сегодня блефуют, это понятно, но атомная бомба – это очень серьезно, – продолжил Сталин. – Почему? Потому, что именно это преимущество через год или через пять лет – когда они накопят эти бомбы, может толкнуть их на военную авантюру против нас: вора делает вором случай.

Вячеслав, партия и Государственный Комитет Оборона тебе поручили создать атомную бомбу. Когда нам ее от тебя ждать? Через год, три года, десять лет?

– Не знаю, стыдно признаться, товарищ Сталин, но не знаю.

– Что так? Тебе не помогают? Вознесенский или Берия не делают того, что обязаны делать?

– Не в этом дело: с Вознесенским я совладаю, а Лаврентий сам меня в этом деле подталкивает.

Чувство собственного достоинства, присущее Молотову, не позволяло ему врать в случаях личного оправдания, поэтому он и сказал о подталкивании его Берией. А вызвано это было тем, что Курчатов, занимавшийся работой по атомной бомбе, не получая необходимого для этой работы у подчиненных Молотова, часто жаловался Берии, и уже тот решал вопросы Курчатова у Молотова.

– Так в чем же дело? – настаивал Сталин на ответе.

– Я не могу вопросы создания атомной бомбы охватить. Я же все время, как буриданов осел, стою перед вопросом, кому направить ресурсы – на производство танков, самолетов – того, что действительно приведет к Победе и спасению жизней наших солдат, или на какую-то сомнительную атомную бомбу? Ведь тратя деньги на это дело, я фактически отодвигаю Победу, а мне никто внятно не говорит, получится это дело или нет. А сам я, к своему стыду, вникнуть в подробности создания атомной бомбы не могу.

– Но ты же мог заставить Академию наук прояснить тебе ситуацию...

– Как, Коба, как?! – начал горячиться Молотов, который единственный в правительстве обращался к Сталину на «ты» и называл его старой партийной кличкой «Коба». – Это же не простые люди, это большие умы, – это обмылки в бане, которые в руках не удержишь. Как только ставишь перед ними прямой вопрос, они начинают вертеться, как уж на сковородке, и ни да, ни нет не говорят.

– Неладное у нас дело с наукой, неладное, – продолжил Молотов. – Набились в нее черт знает какие люди, понаписывали неизвестно кому нужных диссертаций, а на самом деле только и умеют, что повторять то, что уже открыто другими. Деньги тратят на свои исследования без счета, любят себя, как гигантами ума, а попробуй поручить им действительно новое, нужное стране дело и в ответ, вместо конкретного решения, получишь только заумную болтовню и общие сомнения по любому вопросу.

– Это обычное дело, и тебе надо было искать действительных ученых-физиков, и на них опираться, – не принял объяснения Сталин. – Разве не то же самое у нас происходит с конструкторами, скажем, в авиации? А возьми биологию с ее засильем болтунов-генетиков, органистов-вейсманистов, бесплодных, как мулы. Но мы же выдвинули Лысенко, мы же оперлись на его идеи мичуринской генетики и теперь имеем не только болтунов-органистов в институтах, но от Лысенко имеем и новые высокопродуктивные сорта, и прогресс в сельском хозяйстве. Подбор кадров, Вячеслав, это главное дело коммунистов, и нас с тобой от этого никто не освобождал.

– Я что, заслужил такой упрек? – обиделся Молотов. – Ты вспомни середину тридцатых, ведь крику о достижениях советской ядерной физики было хоть отбавляй, казалось, еще немного и у нас паровозы будут ездить на ядерном топливе. Вспомни, у нас перед войной не

только академики, но и молодые физики, казалось бы, делали выдающиеся открытия в области ядерной физики. У нас уже тогда было только специализированных на ядерных исследованиях четыре исследовательских института: в Ленинграде, Харькове и два в Москве. Помимо, с 1920 года у нас работает завод по переработке урановой руды и получения радия на Каме в Березниках. Я же был председателем Совнаркома и помню, что государство денег для этих физиков не жалело.

А что получилось, когда государству потребовалась атомная бомба? Эти же физики все разбежались. Есть такой Ландау, рекламу ему сделали, что это чуть ли не «быстрый разумом Невтон», так тот вообще заявил, что по его расчетам атомная бомба невозможна...

– Пойдите, Вячеслав Михайлович, знакомая фамилия, – вступил в разговор Берия. – Это не тот антисоветчик, которого я где-то перед войной освободил и передал на поруки академику Капице?

– Может, и тот. И Капица, кстати, тоже уклонился от того, чтобы возглавить работы по созданию атомной бомбы. Вспомните, товарищ Сталин, когда Берия где-то весной 42-го года написал докладную о необходимости заняться атомной бомбой, и этот молодой физик Флеров нам об этом же с фронта написал, мы же тогда запросили Академию Наук. И все эти Иоффе и Капицы, наши «быстрые разумом невтоны» нам ответили, что советская наука не может сделать стране атомную бомбу, – зло напомнил Молотов известное собеседникам обстоятельство. – В конце концов, я в 1943 году поставил на эту работу Курчатова, хотя он ученик и сотрудник предателя Гамова, сбежавшего в Америку в начале тридцатых. Сам Курчатов и этот Флеров работают, как и надо работать, но с ними-то почти никого нет! Курчатов до сих пор смог привлечь человек 5–6 физиков, да и то – молодых. На важнейшем направлении – на создании ядерного реактора работает сам Курчатов и еще всего два физика.

Можно заставить человека выкопать яму, – подумав, закончил мысль Молотов, – но как ты ученого заставишь найти в науке что-то новое, если он заявляет, что это новое найти невозможно? И остальные физики, ходят вокруг да около, занимаются чем угодно, какими-то космическими лучами, как тот же Ландау, но начинаешь привлекать их к делу, и они тут же становятся неспециалистами в этом вопросе.

– Это что же, саботаж?! – Сталин посмотрел на Берию.

– Не думаю... – пожав плечами, ответил тот. – Мы до сих пор не имеем никаких данных о том, что такое поведение наших ученых является осмысленным стремлением помочь немцам, их союзникам или капиталистам. Скорее всего, тут трусость нашей науки перед реальным делом. Привыкли к тому, что есть у их исследований полезный результат или его нет, а диссертации они все равно защитят. Привыкли повторять чьи-то исследования. А атомная бомба – дело незнакомое: возьмешься за него и ничего не получится – какой же ты физик и академик?

Но, товарищ Сталин, на мой взгляд, товарищ Молотов говорит не о главном, – Берия решил высказаться. – Я вообще не вижу здесь вопроса после того, как американцы атомную бомбу все же создали. Раз американские физики ее создали, значит, и наши обязаны... если они физики. А не хотят, так у нас еще много школ, в которых не хватает учителей, – будут не в Академии сидеть, а учить деток в школах тому, что тела при нагревании расширяются.

Потом, если бог не выдаст и американцы не вскроют нашу агентуру, то мы вскоре получим все, чтобы американскую атомную бомбу скопировать. Не захотят наши академики этим заняться, найдем простых физиков, и на этой работе они станут академиками.

Вообще, все эти вопросы с конструкцией атомной бомбы, это не айсберг, и даже не вершина его, а только маленькая льдинка на вершине айсберга. Главное же в другом.

Образно говоря, нам сейчас нужен современный самолет и мы обсуждаем, есть ли у нас конструктор, чтобы сконструировать такой самолет. Но, чтобы построить самолет, нужен алюминий, нужна качественная сталь, нужна резина, нужна медь, нужны изделия из этих

материалов – от двигателей до электромоторов. И если ничего этого нет, то какой смысл обсуждать кандидатуры и количество конструкторов самолета? Его все равно не создашь из-за отсутствия материалов, а не из-за отсутствия чертежей самого самолета.

А для нашей атомной бомбы на сегодня ничего нет – нет урана-235, нет способов его получения, нет оборудования для этого, нет заводов. Нет плутония, нет реактора для его наработки, нет даже представлений, как с ним работать. Нам предстоит привлечь и организовать работу нескольких сотен тысяч человек только в атомной отрасли, и миллионы работников в других областях, причем так, чтобы там, как только потребуется, немедленно бросали свою работу и начинали работать на бомбу. Работа по собственно изготовлению бомбы, как бы она ни была сложна, – это ничто по сравнению с работой над материалами, из которых она будет изготовлена, – вздохнул Берия.

– Это так, я просто не договорил, – подтвердил слова Берии Молотов.

– И как же, Вячеслав, ты собираешься эту работу сделать? – спросил Сталин.

– Ты знаешь, Коба, я большевик, я живу для коммунизма, и я умру для него на любом посту, на который меня поставит партия, но, Коба, и партии, и Советскому Союзу будет лучше, если мы эту работу поручим Берии.

Сталин, до этого разговаривавший очень спокойно, не забывая осматривать кусты роз, вскипает, бьет ладонью по бутону, осыпая лепестками ботинки.

– Берии?! И это Берии?! Металлургия – Берии! Топливная промышленность – Берии! Производство оружия – Берии! Танки – Берии! Добыча нефти – Берии! Да, забыл, Берия еще и нарком внутренних дел! Когда же вы перестанете эксплуатировать этот гнилой лозунг: «Кто везет, на том и ездят!» Маленков завалил выпуск самолетов – передадим это дело Берии! Каганович расписался в своей бессилии организовать железнодорожные перевозки – поручим их Берии! Когда же это закончится?! – несколько успокоившись. – Знаешь, Вячеслав, дай бог нам на своем большевистском посту умереть не от безделья, а то мы еще до этого задавим Берию на его посту своей немощностью.

– Но мы же можем какие-нибудь дела передать от Лаврентия кому-нибудь молодому, скажем, добычу нефти, – невозмутимо игнорируя вспышку Сталина, настаивал на своем Молотов.

– Нефти? Да ты что – не понимаешь, что нефть это мясо для советского народа? Что мы не можем больше поставлять несколько зерна на экспорт, потому, что, сколько бы дополнительного зерна мы не выращивали, а его нужно скормить скоту, чтобы получать мясо. А что еще поставлять на экспорт, пока мы не начнем производить для экспорта избыточное количество техники? Только нефть. Это важнейшая задача, и какому же молодому ты ее хочешь поручить?

Вознесенскому? Так он хорошо справляется только с теми делами, которые знает, как делать, а новое дело он не потянет и замордует нас вопросами. Новое дело быстрее и легче самому сделать, чем ему поручать.

Маленкову? Так он все превратит в бумажную волокиту.

Может, Хрущеву с его энергией? Так мы будем иметь не нефть, а большую поленницу дров, которые он наломает, пока доберется до нефти.

– Но ведь я уже не молод садиться за парту и учить физику, – не сдавался Молотов.

– А я – мальчик?! – вновь раздраженно отчеканил слова Сталин.

После этого Сталин повернулся и, ни слова не сказав, быстро пошел по дорожке по направлению резиденции, а Молотов, виновато полуобнимая Берию, попытался оправдаться.

– Лаврентий, извини, но я искренне думаю, что никто в стране не организует это дело лучше тебя.

Берия же, удивленно и восхищенно глядя вслед Сталину, ответил в пространство.

– Не ожидал я от товарища Сталина такого... Не ожидал!

Проблема управления

Будучи умным человеком, Берия прекрасно осознавал свою роль в системе управления СССР и его народным хозяйством, знал, что он один из наиболее сильных хозяйственных руководителей страны, если не самый сильный, поэтому, хотя Сталину и не хочется поручать ему атомный проект, а все равно поручит. И Берия начал думать о том, как ему сделать эту бомбу, – как организовать ее создание в СССР.

Он снова освежил в памяти все, что добыла разведка об американском атомном проекте, и в мозгу привычно воссоздалась схема управления, во главе которой он поставил себя. Ниже были узлы управляющих инстанций, подчиняющихся ему, и уже начали всплывать фамилии кандидатов на занятие должностей в этих инстанциях, но Берия вдруг понял, что так ничего не получится. Он воспроизводил в мозгу обычную схему наркомата (министерства), но дело было всеобъемлющим и требовавшим задействования практически всех отраслей народного хозяйства. А при наркоматной схеме, требующей согласования всех вопросов с другими наркоматами, дело будет двигаться крайне медленно, и его ускорение потребует невероятных усилий, причем, с непрерывным вовлечением Сталина в решение любых, в том числе и мелких вопросов.

Такая схема даст эффект только в случае, если возглавлять ее будет не Берия, а сам Сталин – глава страны и руководитель всего ее народного хозяйства, но тогда Берия будет руководителем только на бумаге, а на самом деле он будет просто передаточной инстанцией приказов и распоряжений от Сталина к своим подчиненным. Быть таким «руководителем» – это мечта любого бюрократа, но не Берии, – он хотел видеть воплощение в атомном проекте плодов собственного ума и труда, а не только сталинских.

Но когда все время над чем-то думаешь, то решение найдется, и недели через две нашел решение и Берия. Он набросал это решение на двух страничках, положил на дно папки для бумаг, с которой обычно ходил к Сталину, и стал ожидать, когда же Сталин вернется к его участию в атомном проекте.

Поздним вечером 19 августа 1945 года Берия был приглашен в кабинет Предсовнаркома СССР. Сталин стоял у окна, глядя в опускающиеся сумерки, и вошедший Берия не стал отвлекать его от мыслей, а просто сел у стола для совещаний, ожидая, когда Сталин очнется от раздумий.

Заканчивалась война Советского Союза с Японией, и проходила она быстрее и легче, чем ожидал Сталин.

Эта война началась 9 августа 1945 года, а уже утром 18 августа главнокомандующий японской Квантунской армией генерал Ямада, находившийся в Чанчуне, подтвердил по радио согласие выполнить все условия капитуляции, предложенные ему командующим советскими войсками маршалом А. М. Василевским. И в этот же день в Харбине высадился первый эшелон десанта в 120 человек, сопровождавший генерала Шелахова. Он встретился с группой японских генералов во главе с начальником штаба Квантунской армии генералом Хата и предъявил им условия капитуляции японских войск. Японцы вынуждены были их принять, и уже утром 19 августа Хата с группой японских генералов и офицеров были доставлены на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта к маршалу К. А. Мерецкову. А в 14 часов 10 минут 19 августа подписал акт о капитуляции сам генерал Ямада, после чего он и премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзин-хуэй выступили перед войсками и населением по радио, призвав прекратить сопротивление.

Дело было сделано – Великая Отечественная и, одновременно, Вторая мировая войны были закончены. Огромный груз упал с души у Сталина, но, как всегда бывает у руководителя, окончание одного дела означало, что нужно всеми силами наваливаться на очередное.

И сейчас Сталин думал об одном из таких дел – о том, как предотвратить Третью мировую войну.

– Ну, что же, американцы расставили точки над «i»: взорвали атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, – не спеша, начал Сталин. – И этим они показали всему миру, в первую очередь нам, что и бомба у них есть, и решимости ее применить тоже достаточно, – Сталин помолчал. – Не вижу иного выхода, Лаврентий, надо тебе браться за это дело.

Сталин вновь задумался, и Берия, видя это, не спешил отвечать.

У Сталина было очень много подчиненных, и все они (порою не без оснований) считали себя прекрасными работниками и выдающимися государственными деятелями. Однако среди них было очень мало таких, которым можно было поручить совершенно новое дело.

Все остальные были хороши в делах, по которым уже было известно, как их делать, и по которым требовался только контроль за исполнением и незначительные, тоже понятные, усовершенствования. В таких, привычных, делах подчиненным не требуется рисковать и брать на себя ответственность за абсолютно новое решение, по которому нельзя предсказать, чем оно закончится, – победой или поражением. Правда, таким, сереньким подчиненным новые дела тоже поручались (куда денешься!), но такие подчиненные тут же шли к Сталину, чтобы спросить его, как это новое дело сделать. Прямо они, конечно, не спрашивали, поскольку их должностное положение обязывало их принимать решения самим, но они «согласовывали» со Сталиным свои решения, как бы демонстрируя ему свою исключительную дисциплинированность и послушность.

Однако Сталину, чтобы согласовать какое либо решение своему подчиненному, требовалось разобраться в этом вопросе так же хорошо, как и самому подчиненному, то есть, таким «согласованием» подчиненные Сталина заставляли Сталина работать за себя и нести ответственность за те дела, которые Сталин поручил этим подчиненным. И деваться было некуда – Сталин вынужден был работать за таких «государственных деятелей», но справиться он мог только с их небольшими по масштабу делами – он успевал вникнуть в подробности таких дел, чтобы принимать по ним компетентные решения.

А среди подчиненных Сталина Берия был полностью самостоятельным и ответственным работником, которому без страха можно было поручить любое новое дело, и Сталин знал, что если Берия его не сделает, то тогда это дело не сделает никто.

Но это было не единственным достоинством Берии, которое знал и ценил Сталин.

Огромная эффективность Берии как руководителя достигалась прежде всего за счет его ума. (Сталин внутренне усмехнулся: этот довод мало действует на людей – ведь все «тоже умные». Вот в этом заключается незаметная для многих разница – все тоже умные, а Берия был просто умным). Сталин знал, что многие, зная Берию прежде всего как главу НКВД, уверены, что он каждого мог убить или посадить в лагерь, поэтому его подчиненные его боялись и только из-за этого страха становились очень трудолюбивыми.

Это не так, и даже не потому, что Берия никогда такой власти не имел. Просто умный руководитель никогда не станет пугать подчиненного. Если бы люди вдумывались в то, как функционирует система управления, то без труда поняли бы, почему это так. Запуганный самодуром-начальником подчиненный вынужден подавить в себе любую инициативу и работать только «от и до» – делать только то, что приказал начальник.

Ведь тут так. Если вы в подчинении у самодура и проявили инициативу, т. е. сделали нечто, чего он не приказывал, то тут два варианта. Это «нечто» может окончиться неудачей. Что с вами сделает начальник за то, что вы нанесли убытки самовольничая? При наличии небольшой фантазии, вы это легко себе представите. Второй вариант – вы добились успеха. Не спешите радоваться, результат может быть еще хуже. Если, действуя по своей инициативе, без приказа самодура-начальника, вы добьетесь успеха, то этим оскорбите его. Получится, что он такой дурак, который не догадался дать вам нужный приказ, а вы умнее его, и

сделали трудное дело без его мудрых указаний. Конечно, он вас не накажет – победителей не судят, – но найдет способ отбить у вас желание самовольничать.

В результате у дурака-начальника умственный потенциал его подчиненных парализуется, а сам начальник не способен продумать и указать, что делать каждому подчиненному. Такой начальник может даже сам «пахать» днями и ночами, а его подчиненные все равно будут бездельничать, дожидаясь его указаний. И тут тоже два варианта. Если дело, которым командует дурак, запугавший подчиненных, развивается экстенсивно, т. е. растет количественно, то за счет этого какое-то время его дурачность не будет видна и создастся впечатление, что такой стиль руководства эффективен.

Положим, дураку поручили выращивать зерно, и он в первый год приказал засеять 10 000 га, во второй 15 000, в третий 20 000 га и т. д. Объем получаемого зерна будет все время расти, за счет роста пахоты, создавая видимость благополучия. Но если прирост объема пахоты прекратится, и надо будет добиваться роста объема зерна интенсивным путем, т. е. в основном за счет ума подчиненных, то не только роста не будет, но и достигнутая эффективность начнет падать при увеличении числа наказаний и жестокости расправ.

Сталин вспомнил Кагановича – наркома путей сообщений. Пока правительство ежегодно давало ему дополнительные деньги, рельсы, шпалы, стройматериалы, паровозы, людей и т. д., он всех в своем наркомате «брал за горло», жестоко наказывал, и дела у него шли как будто прекрасно. Но началась война, экстенсивный рост НКПС остановился, перевозки надо было обеспечивать за счет ума подчиненных, и тут-то и выяснилось, что ни его личная работоспособность, ни наказания ничего не дают.

Умный руководитель сделает все, чтобы подчиненные его не боялись, сделает это не во имя дешевой популярности, а по деловым соображениям – чтобы не задавить в них инициативу. Если они ошибутся, то он простит, а если и накажет, чтобы подчиненный в следующий раз был вдумчивее и собраннее, то так, чтобы не запугать его. А если подчиненный отличился, то наградит его и будет за него искренне рад – ведь подчиненный эффективно сделал часть дела, порученного самому начальнику. Как же тут не радоваться?

Умный начальник, подумал Сталин, это не безвольный толстовец. Он может быть и зол на язык, и тяжел на руку, и скор на расправу. Пока есть лентяи и разгильдяи – по-другому нельзя. Если не бить разгильдяев, то это будет вопиющей несправедливостью по отношению к добросовестным работникам. Ведь все кормятся от одного дела, и бездельники паразитируют на трудолюбивых. Умные начальники бездельников и разгильдяев кнутом заставляют отрабатывать свой хлеб, поскольку выгнать их не всегда удается: не всегда есть им замена, да и не всегда эту замену справедливо делать. Скажем, ленивый солдат. Что, его в тыл отправлять, а трудолюбивые пусть гибнут?

Сталин редко видел Берия в работе с подчиненными, но Сталин получал с мест и характеристики на него, и доносы, поэтому прекрасно представлял стиль руководства Берии. Сталин знал, что Берия всегда предупреждает руководителей предприятий об их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, но у Берии была уникальная способность воодушевлять подчиненных на работу. Естественно, у директоров промышленных предприятий в начале работы с Берией превалировал страх. Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало, и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия поощрял в интересах дела свободу действий крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. То, что и требуется, подумал Сталин, жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать у руководителя уверенность, что в случае добросовестной работы над поставленной задачей поддержка Берии ему всегда обеспечена.

А атомный проект был огромным делом с тысячами никому не известных подробностей, в которые Сталину, на тот момент главе Советского правительства, председателю Государственного Комитета Оборона, нарком (министру) обороны и фактическому генеральному секретарю партии, не хватило бы никакого времени вникнуть. Волей-неволей Сталин вынужден был пойти на уступки Молотову и забрать у него атомный проект, чтобы сдвинуть это дело с мертвой точки, но кроме Берии атомный проект действительно просто некому было поручить.

Спецкомитет

– Что ты, Лаврентий, думаешь по этому вопросу? – наконец прервал паузу Сталин.

Берия уже был готов к ответу.

– Нам нужна быстрота, – ответил он, – поэтому, полагаю, что начать нужно со специального комитета под моим председательством. Это будет как бы законодательный орган всех работ по бомбе. Включить в него предлагаю следующих товарищей.

Берия вынул из папки, принесенной с собой, лист бумаги и протянул его Сталину, а тот окинул документ взглядом.

– Ванников, Первухин, Махнев, Завенягин – это понятно. Маленков – тоже. Курчатов – понятен. Ты считаешь, что Вознесенский со своим гонором будет хорошо работать под твоим началом? – спросил Сталин.

– Будет, конечно, постоянно вам на меня жаловаться, но куда он денется – если будет он, то и Госплан будет работать на бомбу быстрее.

– Думаешь, академик Капица по-настоящему подключится к созданию бомбы?

– У меня, на самом деле, надежда на Курчатова и на тех, кого он привлечет к проекту. А Капицу я предлагаю для очистки совести. Ученый он, может, и не плохой, но тип скользкий, скорее всего, он извернется, чтобы не нести ответственности. Но чем черт не шутит – вдруг действительно начнет работать и что-то сделает?

– Полагаю, что ты больше надеешься на получение разведанных, нежели на наших ученых.

– Не совсем так. Вы же знаете, кто организовал нам поставку сведений по американскому атомному проекту, – это люди, которые могут предать нас в любой момент, как только они сочтут это выгодным для себя. Да, в конце концов, и американскую контрразведку нельзя недооценивать. Так что американские ученые это хорошо, но и своих ученых надо готовить и подбирать для этого дела.

– Что еще? – Сталин вернул Берии документ, тем самым согласившись с предложенными кандидатурами членов Спецкомитета.

– Далее я хочу создать нечто вроде смеси из разных министерств, назовем его, предположим, первое главное управление, и подчинить это управление Спецкомитету – это будет его исполнительный орган.

– Что значит – смесь министерств? – не понял Сталин.

– Введу в состав этого управления действующих замов тех министерств, которые во многом определяют решение этой проблемы.

– Но тогда ты посягнешь на единоначалие – у этих замов будет два министра – свой и ты.

– Тут мы, конечно, потеряем, – согласился Берия, – но зато возрастет скорость решения вопросов в этих министерствах.

– Кого предлагаешь во главу?

– Ванникова.

Сталин, усмехнувшись, оценивающе посмотрел на Берию.

– Надеешься, что прощенный предатель до конца жизни будет замаливать грехи самоотверженной работой?

– Не только на это. У Ванникова есть, конечно, и отрицательные черты, но он исключительно энергичен и болезненно честолюбив. Если мы пообещаем ему еще одно звание Героя, или даже два, то он будет землю носом рыть. А в данном случае только такие исполнители и нужны.

– Ты становишься главой атомного государства в государстве, – понимающе усмехнулся Сталин. – Хорошо, – подытожил он, – готовы соответствующие постановления о создании Спецкомитета и этого ПГУ.

Берия напоминающее посмотрел на Сталина.

– Товарищ Сталин. Все же меня надо освободить для этого дела хотя бы от чего-нибудь.

– От чего?

– Вы же знаете – от должности наркома внутренних дел.

– А кого вместо тебя?

– Круглова, моего зама в НКВД.

Сталин сначала сделал движение, как бы соглашаясь с Берией, но потом все же заколебался.

– Нет, подождем немного – пока у тебя по бомбе организационный период и дел не много. А чуть позже решим и этот вопрос.

Поздним вечером 31 декабря 1945 года Берия все еще никак не мог закончить набежавшие дела и работал в своем кабинете, когда из Киева позвонил его лучший друг Хрущев.

– Ага, – закричал Никита в трубку, – все еще на работе сидишь, прохвессор! – Хрущев мало обращал внимания на необходимость заменить свой малороссийский выговор на великорусский. – Поздравляю тебя, и Нину, и Серго с Новым, 1946 годом и желаю, чтоб вам и елось, и пилось, и хотелось, и могло! Домой езжай, прохвессор, домой! Пора праздновать!

– Спасибо, Никита! – Берия, сам забывший о поздравлениях, был искренне тронут звонком Хрущева. – Желаю, Никита, тебе и твоей Нине крепкого здоровья и удач в новом году! А с чего это ты взялся дразнить меня профессором?

– А ты что, обзоров заграничной прессы не читаешь?

– Да как-то руки не доходят.

– Тогда дай-ка я тебе прочту, что о тебе пишут империалисты, – в трубке было слышно, как Хрущев шуршит бумагами. – Вот из «Нью-Йорк таймс», – Никита начал, запинаясь, читать: *«Живой бывший начальник политической полиции – редкое явление в Советской России. На прошлой неделе в России появилось такое лицо – профессорского вида маршал Берия перестал быть начальником НКВД. Преемником Берия Сталин избрал генерал-полковника Сергея Круглова, великана с лицом младенца (6 футов и 2 дюйма, 245 фунтов), который имеет вид полицейского и действительно является таковым»*. Так что, раз ты дела в НКВД уже сдал младенцу, то ты теперь только прохвессор, – смеялся Хрущев.

Нефть для народа

В феврале 1946 года Лаврентий был вызван в кабинет Сталина. Около торца длинного стола для заседаний уже сидел Байбаков, тут же прохаживается Сталин с трубкой в руках. И этой трубкой Сталин показал вошедшему Берии место напротив Байбакова.

– Товарищ Берия! Вчера я выступил перед своими избирателями и сообщил советскому народу контрольные цифры, которыми мы, правительство, должны руководствоваться при восстановлении народного хозяйства. В том числе я уверил советский народ, что через три пятилетки, то есть к 1960 году, добыча нефти в стране возрастет по сравнению с сегодняшним днем в три раза и достигнет 60 млн. тонн.

Я согласовал это число с вами, и вы одобрили эти 60 миллионов тонн, уверив меня, что фактически мы будем производить гораздо больше...

– Как?! Еще больше?! – ужаснулся Байбаков.

– А народный комиссар нефтяной промышленности товарищ Байбаков, считает производство 60 млн. тонн нефти в 1960 году авантюрой, считает, что в 1960 году мы будем краснеть перед советским народом за не выполнение этого авантюрного плана.

– Я так не говорил! – запротестовал нарком.

– Но это следовало из того, что вы сказали. Товарищ Берия, я действительно возложил на нефтяную промышленность совершенно невыполнимое задание?

– Товарищ Байбаков, у председателя Совнаркома товарища Сталина есть заместители, которые руководят и отвечают за группы наркоматов. Какой заместитель товарища Сталина руководит наркоматом нефтяной промышленности? – прищурившись, задал риторический вопрос Берия.

Байбаков, опуская голову, ответил упавшим голосом.

– Вы, товарищ Берия.

– Значит это я, не только согласовал товарищу Сталину дать вам задание в 60 млн. тонн нефти, но и себя обязал дать Родине эти 60 миллионов тонн, не так ли?

– Но Лаврентий Павлович, – начал оправдываться Байбаков, – я специалист-нефтяник, я ответственно заявляю – невозможно за 15 лет скакнуть в добыче нефти в три раза. Мы сегодня качаем всего 19 млн. тонн в год, чтобы качать 60, нам нужно увеличивать производство, грубо говоря, на 20 % ежегодно, мало того, делать это непрерывно в течении 15 лет! Это невозможно!

Берия уже прекрасно разбирался во всех вопросах добычи и переработки нефти, но, главное, руководство нефтяной и топливной промышленностью заставило его досконально разобраться в геологии и технологии горного дела, и быть в курсе всех новейших достижений в этих отраслях науки.

– А девонские залежи, а шельфовая нефть, а «второе Баку», а метод опорных скважин? – тут же быстро спросил он Байбакова. – Вы что же, собираетесь все это осваивать враскачку, не спеша?

– Но в стране разруха, у нас очень мало буровых станков и еще меньше обсадных труб – ведь для них нужна очень прочная сталь. Как без всего этого мы будем бурить скважины? – ужасался Байбаков.

– Товарищ Байбаков, стволы артиллерийских орудий – это тоже трубы из очень прочной стали, а сами буровые станки не сложнее артиллерийских систем, – веско ответил на эти опасения Берия. – Мы переводим на мирные рельсы артиллерийские заводы, на которых у нас есть оборудование и специалисты, умеющие производить и прочные трубы, и сложные системы. Почему мы должны паниковать при мысли о тройном увеличении добычи нефти? Мы увеличим добычу гораздо больше, чем в три раза!

Сталин подошел к Байбакову, тот попытался встать, но Сталин чубуком трубки нажал на его плечо и посадил на место.

– Товарищ Байбаков, какими свойствами должен обладать советский нарком?

Байбаков, ненадолго задумавшись, ответил.

– Знанием своей отрасли, трудолюбием, добросовестностью... опорой на коллектив...

– Все верно, товарищ Байбаков, – подтвердил Сталин. – это очень нужные качества, но какие все-таки наиважнейшие?

– Ну, наверное, бережливость, самоотверженность...

– Еще что? – Сталин оставался недоволен ответом.

– Товарищ Сталин, я весь арсенал качеств наркома назвал. Буду рад, если вы мне что-нибудь подскажете.

– Все правильно товарищ Байбаков, – улыбнулся Сталин, и сам ответил с явственным грузинским акцентом, – но главного вы не сказали. У советского наркома должны быть «бичьи» нервы... плюс оптимизм!

Байбаков вышел, и Сталин с Берией остались наедине.

– Мы не ошиблись с этим юношей? – спросил Сталин.

– Не думаю, – ответил Берия, – просто он еще очень неопытен как нарком, отсюда все его страхи. Есть, конечно, и завихрения молодости – любит в ресторанах покрасоваться, как какой-то купчик или актриска, но я его от этого отучу. Тут дело в другом – он не имеет, не накопил нужных знаний для работы в такой должности, да и не один он – по топливному наркомату у меня такие же проблемы с наркомом. Это объективно, как говорится, даже если взять девять беременных женщин, то ребенка через месяц все равно не получишь.

– У тебя есть предложения?

– Надо временно разделить наркомат нефтяной промышленности на два аналогичных – на наркоматы юго-западного и восточного районов СССР. На второй поставим наркомом Евсеенко, кстати, и на него посмотрим в самостоятельном деле, может, он окажется лучше Байбакова. А года через три, когда наркомы будут готовы, снова объединим. То же надо сделать и с топливным наркоматом. А пока наркомом всей нефтяной и топливной промышленности СССР придется побыть мне.

– Много на себя валишь, Лаврентий.

– А куда денешься? Пока они самостоятельно не работают, мне все равно приходится их работу делать, а так они быстрее научатся.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Через 10 лет, к 1955 году, Советский Союз добывал уже 70 млн. тонн нефти, а через 15 лет, в 1960 году, добыл 147 млн. тонн – не в три, в почти в 8 раз больше, чем в 1945 году.

Глава 2

Берия: каким он парнем был

Перебор кавказцев

18 марта 1946 года проходило заседание Политбюро, на котором присутствовал сам Сталин.

По конституциям СССР 1918, 1924, 1936 гг. население страны избирало депутатов высшего законодательного органа страны – Верховного Совета. Депутаты Верховного Совета (Советская власть) принимали законы страны и назначали Правительство СССР – Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. – Совет Министров). Правительство руководило страной: организовывало всех на исполнение Законов и Указов Верховного Совета, т. е. Советской власти.

Правительство состояло из народных комиссариатов (министерств), руководили ими народные комиссары (министры), их всех возглавлял председатель Совета Народных Комиссаров (председатель Совета Министров) – конституционный глава страны. Персонально главами СССР от Октябрьской революции по смерть Сталина были: В.И. Ленин – по 1924 г., А.И. Рыков – по 1930 г., В.М. Молотов – по 1941 г., И.В. Сталин – по 1953 г.

Верховный Совет СССР в полном составе (все депутаты) собирался на свои сессии не реже двух раз в год, в промежутках законодательную власть осуществлял (менял министров, издавал указы и т. д.) Центральный Исполнительный Комитет Верховного Совета СССР. В 1938 г. он был переименован в Президиум Верховного Совета СССР. Председателями ЦИК (Президиума) были: Я.М. Свердлов – по 1919 г., М.И. Калинин – по 1946 г., Н.М. Шверник – по 1953 г., в 1953 г. – К.Е. Ворошилов. Так было организовано официальное конституционное управление СССР.

Для контроля за властью в стране – за тем, чтобы она безусловно служила всему народу, правящая партия-ВКП(б) – выстроила параллельную официальной (конституционной) власти структуру. Номинально считалось, что это структура управления только самой партией (повторю – в Конституции такая структура не была предусмотрена как орган госуправления), но фактически структура управления партией, контролируя конституционную власть, управляла и этой властью, и всей страной.

Параллельное управление СССР происходило по следующей схеме.

Элита страны, ее лучшие люди, готовые на труд и бой за страну и ее идеальное справедливое будущее – Коммунизм, вступали в ВКП(б). Коммунисты избирали себе руководителей первичных, районных, областных, республиканских организаций и всей партии прямо или через делегатов съездов. Формально высшими руководящими органами партии были собрания или съезды, но фактически партией (и страной) руководили избираемые этими собраниями и съездами постоянно действующие органы: парткомы, райкомы, обкомы, центральные комитеты. Центральные комитеты (ЦК) избирались республиканскими компартиями и всей ВКП(б), но постоянно действующими они были формально, поскольку фактически они, в лучшем случае, собирались на пленумы три раза в году. А непрерывно всей партией руководили избираемые Центральным Комитетом ВКП(б) органы, в котором было по мере роста численности партии от 70 до 130 членов ЦК. Центральный Комитет ВКП(б) избирал: политическое бюро (Политбюро), в котором обычно было 10 человек и несколько кандидатов в члены Политбюро; и несколько (обычно 5) секретарей партии (одного из секретарей ЦК назначал «генеральным», в республиках – «первым»).

Любой мало-мальски важный вопрос, требующий вмешательства государственной власти СССР, поступал сначала к секретарям и в Политбюро, там рассматривался, и если он мог быть решен на основании действующих законов, то Политбюро его решало, а решение передавало Правительству СССР для исполнения. Официальный глава СССР – председатель Совнаркома (Совмина) – всегда был членом Политбюро и председательствовал на его заседаниях. Получалось так, что он перед тем, как рассмотреть вопрос со своими министрами, сначала рассматривал его с товарищами по партии.

Если же вопрос требовал изменения законов Советского Союза, то решение Политбюро адресовалось в Президиум Верховного Совета, и Президиум издавал соответствующий указ – либо изменял, либо принимал новые законы, утверждая их впоследствии на съезде или сессии Верховного Совета. А Председатель Президиум Верховного Совета, то есть, глава Советской власти, тоже был обязательным членом Политбюро. И в данном случае тоже получалось, что глава Советской власти, перед тем как рассмотреть изменение законов со своими товарищами, членами Президиума и депутатами, рассматривал это изменение законов сначала с товарищами по Политбюро.

Получалось, что по Конституции партия вроде и ни при чем, но фактически она управляла государством.

Членами Политбюро при Сталине, как правило, были наиболее выдающиеся на тот момент государственные деятели (поскольку в то время партийных и государственных деятелей невозможно было разделить – это было практически одно и то же).

Сначала Сталин был Генеральным секретарем партии и членом Политбюро как бы от партии, но потом он добился, чтобы должность Генсека упразднили, и он был просто одним из пяти секретарей партии. Но в глазах большинства и партии и народа он был вождем, и это его выделяло среди всех. Такой должности – «вождь» в стране не было, и Сталин был вождем потому, что был Сталиным, то есть эта должность намертво была связана только с ним.

Пока Сталин официально был только одним из пяти секретарей партии, то он на Политбюро рассматривал абсолютно все вопросы и партии, и государства: и экономические, и государственного строительства, и военные. Рассматривал как вождь. Но когда в 1941 году Сталин стал главой СССР – председателем Совнаркома, – заседания Политбюро для него стали ненужной обузой, потерей времени. С наиболее деятельными членами Политбюро – Молотовым, Берией, Ворошиловым, Кагановичем, Микояном – он совещался как глава страны со своими министрами. Собирать их еще раз на заседании Политбюро для повторного обсуждения уже принятых вопросов и только для того, чтобы обозначить «руководящую роль партии», было глупо. И с началом войны на Политбюро стали рассматриваться только кадровые вопросы, вопросы пропаганды, награждения и помилования и вопросы контроля за силовыми структурами государства. Если в 1940 г. вопросы народного хозяйства Политбюро рассматривало непрерывным потоком, начиная от государственного бюджета, кончая организацией питания на отдельных предприятиях, то с 1942 года вопросы экономики отсутствуют начисто. Практически единственными случаями, когда Политбюро вспоминает о деньгах, были случаи выплаты гонораров «прогрессивным писателям» и помощи «прогрессивным газетам» за рубежом, т. е. это все те же вопросы пропаганды.

С 1941 года совместные решения партии и правительства Сталин подписывал только как председатель Правительства СССР. От партии эти документы подписывал один из секретарей ВКП(б): сначала А.А. Жданов, после его смерти – Г.М. Маленков. Чрезвычайно загруженный как глава страны, Сталин стал пропускать заседания Политбюро, согласовывая его решения по телефону или после того, как оно уже состоялось, но сегодня он решил прийти на заседание ввиду сложности рассматриваемого вопроса.

– ...Вопрос Секретариата Центрального Комитета, – наконец подошел Жданов к вопросу, из-за которого на Политбюро пришел и Сталин. – Товарищи, после смерти това-

рища Щербакова мы никого не вводили в состав Политбюро, а тут еще тяжело... если не сказать больше, заболел Михаил Иванович Калинин, и практически не работает. Секретариат ЦК предлагает на предстоящем пленуме предложить Центральному Комитету утвердить членами Политбюро кандидатов в члены Политбюро товарищей Берию и Маленкова, а кандидатами в члены Политбюро избрать товарищей Булганина и Косыгина.

– Этот вопрос – не вопрос, – тут же заявил Хрущев, который давно был в дружеских отношениях с Берией. – Давно пора! Я – за!

– Нет, товарищи, подождите, – остановил Хрущева Сталин. – На самом деле в отношении товарища Берии вопрос есть. Нас в Политбюро всего 10 человек, при этом я – русский грузинского происхождения, и товарищ Берия тоже. Да еще и товарищ Микоян – кавказец. Не много ли у нас в Политбюро будет кавказцев?

– Товарищ Сталин, – удивился Молотов, – мы партия интернационалистов, ставить вопрос таким образом нам просто недопустимо!

– Вообще-то, три кавказца в Политбюро – это перебор, – задумчиво подтвердил армянин Микоян.

– Вот ты и выйди, чтобы перебора не было, – тут же шутливо среагировал Хрущев.

– Разве Берия еврей? – Каганович формировал свой словарный запас еще до революции и ему более привычным было слово «жид», поэтому он «еврей» произносил как «яврей». – Если бы был еврей, то тогда да, тогда были бы разговоры. А еврей в Политбюро я один, значит, все в порядке. Если не еврей, то кто там будет смотреть, кто он?

– Хорошо, но тогда давайте соблюдаем формальности и заслушаем биографию товарища Берии, – после некоторых раздумий подвел итог Сталин.

Жданов растерялся.

– Товарищ Сталин, я не подготовил, думал, мы все ее знаем.

– Хорошо, тогда давайте вспомним, что мы знаем о товарище Берия. Пожалуй, на правах председательствующего в Политбюро, это сделаю я, – вспоминая, начал Сталин.

Л.П. Берия. Справка

Родился товарищ Лаврентий Павлович Берия на Кавказе, в партию вступил после февральской революции и сначала начал работать по линии ЧК. Причем, чекистом был очень хорошим, был награжден орденами, товарищ Дзержинский наградил его почетным оружием за ликвидацию уголовного бандитизма на Кавказе, а также за ликвидацию дашнаков и разного капиталистического отребья. Где-то в конце 20-х партия поручила ему пост председателя ЧК всех закавказских республик, а он вдруг пишет заявление с просьбой дать ему возможность стать студентом. Вы можете себе такое представить, чтобы при царе жандармский генерал вдруг запросил бы отставку, чтобы стать студентом?

– Товарищ Сталин, – поправил вождя Берия, – я тогда еще не был председателем ЧК, я был заместителем по оперативной работе.

– Ну, значит, жандармский полковник. Вот такой у нас товарищ Берия: был чуть ли не генералом, а хотел стать простым инженером-строителем.

– Думаю, товарищ Сталин, что я был бы не простым, а хорошим инженером-строителем, – слегка улыбаясь от этих воспоминаний, возразил Берия.

– В этом мы не сомневались, – подтвердил Сталин, – но отпустить товарища Берия учиться не могли.

А в 1930 году коммунисты Кавказа избрали его первым секретарем Закавказского крайкома, и мы получили на Кавказе очень энергичного и толкового хозяина. Для сравнения, СССР в те годы развивал экономику так, как и не снилось никому в мире, а товарищ Берия развивал экономику Закавказья в два раза быстрее, чем в среднем СССР. При нем мы развили нефть Каспия, при нем Грузия получила металлургию, при нем заработал ферросплавный завод в Зестафони. А металлургический комбинат в Рустави тоже при тебе?

– Нет, мы только начинали его проектировать.

– А как при товарище Берия преобразился Тбилиси! Ведь Тифлис всегда был грязной захолустной деревней, а при нем он получил канализацию, водопровод, множество дворцов и прекрасных жилых домов. Почему я и говорю, что мы не сомневаемся, что товарищ Берия был бы прекрасным инженером-строителем. Впрочем, он и так им является.

А Колхида? Ведь это были сплошные малярийные болота! Товарищ Берия завез на древнюю землю Колхиды эвкалипты и осушил болота. А чай, наш грузинский чай.

– Чай, товарищ Сталин, начали разводить без меня, еще до революции, – немного смущенный похвалами вождя, поправил Берия.

– А сколько его было? Это при вас, товарищ Берия, производство чая увеличилось, если мне память не изменяет, раз в 60.

Товарищ Берия был на своем месте, но у Советского Союза возникла беда – ежовщина, – нахмурился Сталин. – Получив поручение избавить Советский Союз от пятой колонны троцкистов и прочей нечисти, предатель Ежов подобрал в НКВД негодяев и обрушил террор на сотни тысяч честных людей. Потом мы узнали, что мерзавец Троцкий дал команду своим людям при аресте оговаривать как можно больше невинных людей. И в логике мерзавцу Троцкому не откажешь! Ведь, во-первых, создавалась видимость, что сторонников Троцкого в СССР очень много, а, во-вторых, троцкисты считали, что «всех арестовывать не будут» – прятались, негодяи, за спинами честных людей.

Мне как-то рассказывал генерал Горбатов, – отвлекся Сталин, – если помните, командующий 3-й армией в войне. Он был арестован и невинно осужден при Ежове, так вот, он вспоминал, что вместе с ним в лагере сидел троцкист, который один оклеветал около 300 человек! Руководствовался, негодяй, принципом: «Чем больше – тем лучше!»

Разобрать завалы ежовщины мы могли поручить только умному и честному коммунисту. И выбор партии пал на товарища Берия, хотя прямо скажем, товарищ Берия очень не хотел становиться народным комиссаром внутренних дел СССР.

– Отчаянно отказывался, – подтвердил Хрущев.

– Но товарищ Берия со своим опытом прекрасного чекиста нужен был партии именно в НКВД. На этом посту товарищ Берия очистил аппарат НКВД от той дряни, которая туда проникла при Ежове, да еще и при Ягоде. Как мне помнится, из ежовского НКВД был вычищен чуть ли не каждый четвертый сотрудник, существенную часть уволенных пришлось осудить, а наиболее выдающихся мерзавцев – расстрелять. В том числе, и в назидание тем, кто в НКВД остался работать. Одновременно товарищ Берия привлек на работу в НКВД около 15 тысяч честных коммунистов из партийных органов, из армии, из промышленности.

Эти новые сотрудники под руководством товарища Берии перестроили работу НКВД и начали пересмотр всех дел, выявляя невинно осужденных. Их реабилитировали, возвращали в экономику, в армию. Я упомянул генерала Горбатова, а ведь в первую очередь надо было бы вспомнить нашего самого выдающегося фронтового полководца – маршала Рокоссовского. Он ведь тоже был возвращен в армию благодаря реабилитации, проведенной товарищем Берией.

Если я правильно помню, то только в 1939 году было реабилитировано около 900 тысяч человек.

– Около 350 тысяч, товарищ Сталин, – опять поправил Берия.

– А если подсчитать вместе с возвращенными из ссылки? – спросил Сталин, задумавшись.

Берия, в свою очередь, тоже задумался.

– Тогда да, тогда примерно столько.

– Но товарищ Берия не был всепрощающим исусиком, – продолжил Сталин, – он продолжал разоблачать и уничтожать «пятую колонну» предателей...

– Но делал это недостаточно хорошо! – перебил Сталина Ворошилов.

– Что и кого вы имеете в виду, товарищ Ворошилов? – удивился Сталин.

– Мерецкова, Павлова, Смушкевича, Рычагова и других арестовали слишком поздно, а их предательство разве забудешь? – зло прищурившись, напомнил Ворошилов.

А вспомнил он трагические события только что закончившейся Великой Отечественной войны.

Предатели

И эти события вспомнили все члены Политбюро.

Вечером 29 июня 1941 года в этом же кабинете тоже проходило заседание Политбюро, собранное на скорую руку. Присутствовали только Сталин, Берия, Молотов, Маленков и Микоян.

Берия ознакомил членов Политбюро с протоколами допросов предавших Родину генералов Красной Армии. Он подводил итоги.

– ...В предательстве этих негодяев нет сомнений, – с горечью констатировал Берия. – Мерецков показал, и это подтверждено другими фактами, что эти предатели по заданию Уборевича, то есть по заданию Троцкого, своим людям создавали легенды, как выдающимся полководцам, и расставляли их на ключевые посты. В частности, такая легенда выдающегося танкиста была создана, ныне генералу армии, Павлову, и это меня очень беспокоит – ведь Павлов и сейчас командует Западным фронтом.

– Как сейчас проверишь – по заслугам или нет повышали Павлова? – засомневался Молотов. – Менять командующего фронтом всего через неделю после начала войны – это будет похоже на панику. Да и как Павлов на таком посту мог предать, по каким мотивам?

– Они, эти генералы, не верят, что могут разбить немцев, они считают это нереальным и поэтому заранее готовы им сдаться, чтобы выслужить себе высокие должности у Гитлера, – пояснил Берия.

– Ну, это уж слишком – как коммунисты будут служить фашистам? – возмутился Молотов.

– Такие коммунисты, как они, будут служить кому угодно. Вот прочтите, – Берия открывает один из протоколов и передает его Молотову, – что показывает Мерецков о своем разговоре с Павловым во времена финской войны. Они с Мерецковым еще в 1940 году договорились до того, что им при немцах будет не хуже, чем при советской власти.

– Как это понять? – не понял Микоян. – Как это «не хуже»?

– Видимо, считают, что, захватив СССР, Гитлер сформирует в отдельных республиках колониальные войска по типу британских в Индии, а Мерецков с Павловым останутся на генеральских должностях в этих колониальных войсках, – понимающе сказал Молотов, догадавшись. – Если, конечно, будут иметь перед Гитлером заслуги.

И Сталин, и члены Политбюро знали, что сразу после победы над Францией Гитлер уверенно заявил начальнику Генштаба Германии: *«Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра»*, – советская разведка об этом хвастовстве донесла. Но они не знали, что как только стало известно о начале операции «Барбаросса», практически все до одного военные специалисты мира тоже предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал Джон Дилл, начальник генерального штаба Британской империи, дал Красной армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.

А какие еще прогнозы они могли дать?

Ведь, что касается оценки русской (советской) армии и ее полководцев, то что во всем мире могли о нас думать? Последние цари довели русскую военную машину до полного маразма. Еще за 100 лет до Второй мировой войны, в 1854–1855 годах вся русская армия не сумела сбросить в море англо-французский десант, высадившийся в Крыму. Русско-турецкая война 1877–1878 годов была хотя и победной формально, но явила такую беспомощность

русской военной машины, что русская военно-историческая комиссия, которая должна была бы оценить итоги этой войны для изучения их в военных учебных заведениях, не смогла этого сделать вплоть до Первой мировой, – не смогла сделать хоть какие-то выводы даже для Академии Генштаба. В 1904–1905 годах Россия позорно проигрывает войну существенно более слабой Японии. Полный маразм явила Россия и в Первую мировую войну, как в плане организационном, так и в плане военном, включая качество генералитета и офицерства русской армии. Скажем, по итогам войны на 13 914 убитых и раненых в боях офицеров, 14 328 человек спокойно ожидали конца войны в плену у немцев, а русские генералы были еще и почище офицеров: на 33 убитых генерала 73 сидело в плену. Строили-строили перед войной линию крепостей для защиты России от немцев – Ковно, Вильно, Гродно, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск, Зегрж, Новогеоргиевск, Варшава и Иван-город, – а ни одна из них и не подумала защищаться. Гарнизоны русских крепостей или сбежали при виде немцев, или сразу же сдались. Ну, и как их сравнить даже с австрийской крепостью Перемышль, которую русские войска осаждали 6 месяцев? А как это позорное поведение русских войск по защите своих крепостей сравнить с отчаянностью французов и с решимостью немцев в «Верденской мясорубке»? Семьдесят дней немцы штурмовали французскую крепость Верден и ее форты, потеряв 600 тысяч человек, а защищавшиеся и потом контратаковавшие французы потеряли 358 тысяч! Русскую армию уже давно во всем мире презирали, и у мира были на то основания.

Гражданская война 1918–1920 годов не в счет, поскольку русские дрались с русскими. А первое же столкновение с иностранной армией, а это была армия всего-навсего Польши, окончилось крахом для красных полководцев. Никто не принимал во внимание то, что маршал Блюхер куплен японцами, а его дикую неспособность в августе 1938 года сбить шесть японских батальонов с сопок у озера Хасан все воспринимали как уже традиционную неспособность русских к войне. Бои на Халхин-Голе в 1939 году, которые велись, по представлению европейцев, где-то в пустыне на краю мира, не впечатлили даже крохотную Финляндию, нагло развязавшую в том же году войну с СССР с целью захватить Карелию и Кольский полуостров. А то, что Финляндия держалась против СССР четыре месяца, произвело впечатление не только и не столько на англичан и немцев, сколько на самих советских полководцев.

Традиционное низкопоклонство российской интеллигенции перед Западом, так или иначе распространяемое и на армию, произвело парализующее действие на генералитет и офицерство Красной Армии – куда нам, сиволапым, с немцами тягаться! Польша была завоевана Гитлером за 27 дней, Дания – за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5, Бельгия – за 18, Франция – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день и Крит – за 11.

Вот этого Политбюро недоучло – недоучло, что советские генералы будут предавать и готовить себе почву для службы под знаменами Гитлера. Как, скажем, командующий ВВС генерал Рычагов, который перед войной дал команду снять с советских истребителей радиостанции, или как генерал Мерецков, вносящий в мобилизационный план заведомо невыполнимые задания.

– Этого гада Павлова надо немедленно арестовать! – предложил Маленков.

– Я бы не спешил, – остановил Маленкова Берия. – Нужно, думаю, послать на Западный фронт кого-то, кто бы вошел в курс дела и принял под свою команду войска фронта, а потом арестовать Павлова, но не как предателя, а за какое-либо воинское преступление. Если Красная Армия узнает, что Павлов предал, не будет веры никаким генералам. А как воевать с мыслью, что твой генерал – предатель?

– Надо будет переговорить с Тимошенко, возможно, можно будет послать на Западный фронт маршала Шапошникова, – попыток Сталлин. – Он, правда, всю жизнь в штабах просидел, но в данном случае это, возможно, и лучше. – Обращаясь к Берии: – Что еще?

– Арестованный Ванников показывает, что членом их организации был Михаил Каганович, брат Лазаря Моисеевича. С одной стороны, нет никаких иных фактов, кроме этого показания, с другой стороны, еврей обвиняет еврея, – довольно редкий случай. Михаил Каганович – член ЦК, и в таких случаях Политбюро обязано устроить Ванникову и Михаилу Кагановичу очную ставку в присутствии членов Политбюро. Ванников у нас в Москве, Михаил Каганович в Казани, я его пригласил в Москву на 1 июля. Надо бы договориться о сборе членов Политбюро в этот день. Особенно желателен, сами понимаете, Лазарь Моисеевич Каганович.

Борис Львович Ванников до ареста уже два года был наркомом (министром) вооружений СССР, он тоже был членом ЦК и, кроме этого, в свое время был другом Михаила Кагановича. Членам Политбюро было над чем задуматься.

– Лазарь мечется по узловым станциям, расширяет пробки для движения воинских эшелонов к фронту, – раздраженно сказал Сталин. – Как его вызовешь? Он будет мне звонить, я ему сообщу о брате, но приедет он или нет к 1-му числу, неизвестно. Да неизвестно и где будут остальные члены Политбюро. Товарищ Маленков будет, скорее всего, в Москве, вот вы с ним от имени Политбюро и проведите очную ставку Ванникова с Михаилом, а если подъедет Лазарь, то и с Лазарем.

Паника генералов

В это время вошел секретарь Сталина Поскребышев, и, не прерывая разговора членов Политбюро, положил перед Берией лист бумаги со словами: «Вы говорили, что это нужно срочно». Берия быстро пробежал короткую записку и озабоченно покачал головой.

– Агентурное сообщение подтвердилось – я не хотел о нем говорить, не проверив, – немцы захватили Минск. Еще вчера. Сейчас об этом начали вопить все европейские радиостанции.

Все присутствовавшие опешили.

– Что?!

– Как?!

– Почему мы об этом ничего не знали?!

Сталин с тревожной задумчивостью жестом прекратил вопросы.

– Что-то непонятное творится с командованием Красной Армией. Давайте-ка, все вместе съездим в Наркомат обороны к нашему Верховному главнокомандующему.

То, что немцы захватили столицу Литовской ССР Вильнюс, еще можно было понять, так как этот город находился менее чем в ста километрах от границы. Но Минск!!

На второй день после начала войны в СССР была образована Ставка Главного Командования и председателем Ставки, то есть, Верховным Главнокомандующим Красной Армии был нарком обороны, маршал С.К. Тимошенко. Когда Сталин и члены Политбюро вошли в его кабинет, Тимошенко уже стоял возле длинного стола, на котором начальник Генерального штаба Красной Армии Г.К. Жуков разложил карту фронтов, от Баренцева до Черного моря. Все ожидали немедленного доклада о падении Минска, но Жуков, откашлявшись, бодрым голосом сообщил положение армий на фронтах и подытожил.

– В целом на всех фронтах от Балтики до Черного моря идут ожесточенные бои. Соединения Красной Армии контратакуют, на Юго-Западном фронте – довольно успешно, но немцы на некоторых участках сумели вклиниться в нашу оборону, особенно глубоко – в полосе Западного фронта. Здесь у нас явно не хватает сил и срочно требуется переброска резервов на это направление.

Сталин довольно долго лично изучал карту, по которой сделал доклад Жуков, а потом, показав карандашом на район западнее Минска, спросил.

– Почему здесь, с Брестского направления, немцы так глубоко вклинились? Почему здесь не было наших соединений, чтобы остановить их?

– Тут должны были действовать соединения 4-й армии – 22-я танковая, 6-я и 42-я стрелковые дивизии, но, как сейчас выясняется, немцы уничтожили их артиллерийским огнем в Бресте еще утром 22 июня, – доложил, замявшись Жуков.

– Вы хотите сказать, что эти дивизии не только не вывели из Бреста на боевые позиции, но даже не подняли по тревоге, и немцы расстреляли их, спящих, артиллерией через Буг с расстояния винтовочного выстрела?! – переспросил Сталин.

– Так получилось, товарища Сталин, – начал Жуков, оправдывающейся скороговоркой. – Я Павлову еще 18 июня, за четыре дня до войны, телеграммой дал распоряжение привести войска в боевую готовность, и почему он не вывел войска из Бреста, я не знаю.

– А у нас что – в Красной Армии уже не контролируется исполнение приказов? – В голосе Сталина уже явно слышались металлические нотки.

– Мне не доложили! – в отчаянии воскликнул Жуков.

– А вы приказывали своим подчиненным, доложить вам? – зло настаивал на ответе Сталин.

– Они должны были сами... – у Жукова уже явственно дрожал голос.

– Тут положение, товарищ Сталин, еще хуже, – с горечью признался Тимошенко. – Этим дивизиям вообще не должно было быть на зимних квартирах в Бресте. По планам боевой подготовки они еще 15 июня должны были быть выведены для обучения в летние лагеря, но Павлов их почему-то не вывел.

– И вы этого не знали?? Кто контролирует дислокацию войск Красной Армии?

– Генштаб... – Жуков уже плохо себя контролировал, у него все дрожало – и руки, и губы.

– Кто начальник Генштаба? – глядя на Жукова в упор, тяжелым голосом задал не требующий ответа вопрос Сталин.

– Мне не доложили... – голос Жукова срывался.

Для всех членов Политбюро стало понятно, что эти генералы, так до войны подсиживавшие друг друга, так стремившиеся на свои генеральские должности, так охотно писавшие друг на друга доносы, по сути, не способны воевать – не способны провести в жизнь даже элементарное военное решение, такое, как приведение войск в боевую готовность накануне войны.

Сталин тяжело посмотрел на Жукова, и тот опустил голову под его взглядом. Жуков понял, что Сталин вспоминает раннее утро 22 июня, когда по получении от Молотова сообщения о том, что немцы официально объявили войну СССР, Жуков бодро предложил обрушиться на немцев всеми сосредоточенными у границ силами и уничтожить. Теперь Жуков предстал перед правительством не начальником Генштаба, а безответственным болтуном, не соображающим, ни что происходит на фронтах, ни что он предлагает. Но на этом испытания Жукова не закончились.

– Что с Минском? – спросил Сталин, пытаясь сдержаться.

– Все подходы к Минску перекрыты, немцы Минск не возьмут! – отрапортовал Жуков.

– Что?!! – сорвался и закричал Сталин. – Вы не знаете, что Минск немцы взяли еще вчера?!!

– Как взяли?! – хором с ужасом воскликнули Тимошенко и Жуков.

– Вы почему не знаете, что происходит на фронтах?!! – закричал на них, уже очевидно взбешенный Сталин.

– Ухудшились условия связи, не все донесения с фронтов проходят... – залепетал Жуков.

– Да как же вы, верховный главнокомандующий и начальник Генштаба, мать вашу, можете командовать фронтами, не имея с ними связи?!! Кто отвечает за связь в Красной Армии? – звенящим голосом спросил Сталин.

– Вышестоящие штабы, – опустив голову, проговорил Тимошенко.

– Кто отвечает за связь Ставки с фронтами?! – продолжал экзамен Сталин.

– Генеральный штаб, – уже, по сути, пищал Жуков.

– Кто начальник Генерального штаба?! – вновь задал вопрос Сталин.

Жуков, наконец, не выдержал и, закрыв лицо руками, заглушая рыдание, выбежал из кабинета. Молотов, потрепав Сталина за рукав, негромко сказал, выходя вслед за Жуковым.

– Спокойно, Коба!

– Думаю, тут два вопроса, – вступил в разговор Берия. – Немцы открыли себе кратчайший путь на Москву. Судя по всему, это свершившийся факт. Надо искать силы и чем-то перекрыть им дорогу. Потом, нужно как-то спасти остатки войск Западного фронта.

– Что мы можем найти немедленно? – спросил Сталин Тимошенко.

– Я уже думал: мы можем перебросить две армии с Юго-Западного направления, – Тимошенко все же старался держать себя в руках и отвечать осмысленно.

– Какие? – потребовал уточнить Сталин.

– Вот и вот, – Тимошенко показал расположение армий на карте.

Сталин задумался, оценивая, сколько времени может занять их переброска на Западное направление. В это время Молотов ввел в кабинет вздрагивающего от икоты Жукова, бросающего затравленные взгляды на Сталина.

Как ни странно, но эта бабья истерика Жукова вызвала к нему доверие – если бы был предателем, то подготовил бы ответы на вопросы Сталина, а реакция начальника Генштаба с его искренними рыданиями характеризовала его, как глупого разгильдяя, а не как врага.

– Давайте приказы о переброске на Западное направление этих армий, – скомандовал Сталин Тимошенко, а потом обратился к Берии. – Вернетесь в Совнарком, разыщите Кагановича, пусть проследит, чтобы эшелоны под эту переброску войск подавались бесперебойно, – затем вновь повернулся к Тимошенко – Сосредоточьте авиацию для прикрытия станций погрузки и выгрузки войск от действий немецких бомбардировщиков, – И, немного подумав, добавил. – Маршал Кулик в Москве?

– Да, – подтвердил Тимошенко.

– Немедленно отправляйте его к Павлову с задачей объединить под одним командованием оставшиеся силы Западного фронта, – распорядился Сталин. – Кулик, конечно, маршал своеобразный, но в храбрости ему не откажешь.

– Вы думаете, что мы недостаточно храбры?!

Сталин, вздохнул и зло ответил.

– Я не знаю, что думать, товарищ Тимошенко. Советский народ дал Красной Армии танков больше, чем есть у какой-либо иной армии в мире, советский народ дал вам самолетов больше, чем есть у кого-либо, обеспечил артиллерией и стрелковым оружием, вверил вам, полководцам Красной Армии, миллионы своих сынов, а вы чем народу ответили? Тем, что отдали немцам на убой лучших сынов советского народа?!

После этих слов Сталин резко сломал в руке карандаш, бросил его на карту и, не прощаясь, пошел к выходу; члены Политбюро, попрощавшись, последовали за ним. Перед входом в наркомат Сталин остановился у своей машины и подождал подошедших Берию, Молотова, Маленкова и Микояна.

– Ленин оставил нам великое наследие, – с горечью констатировал Сталин, – а мы – его наследники – все это просираем. – И, помолчав, добавил: – Я буду работать в Кунцеве, а вы думайте, что можно предпринять.

Начало победы

Молотов в эту ночь безуспешно пытался заснуть и под утро 30 июня 1941 года по пути в кабинет, зашел к вернувшемуся с фронта Председателю Президиума Верховного Совета М.И. Калинину. Подслеповатый «всесоюзный староста» по крестьянской привычке начинал работу очень рано, и теперь, узнавая Молотова скорее по голосу, успокаивал.

– Не паникуй, Вячеслав. Немцы нам, конечно, морду набьют, на то они и немцы, народ основательный. Но они с нами теперешними не совладают. Мы – русские, нам надо быстрее разозлиться. А когда разозлимся, то с нами и немцы ничего не поделают. Не отчаивайся, иди, работай!

Теперь перед Молотовым лежал чистый лист бумаги, в руках он вертел карандаш, но никаких нужных решений в голове не было. К десяти часам зашел Берия и, подсев к столу, спросил.

– Есть решения, Вячеслав Михайлович?

Молотов раздраженно встал и начал ходить по кабинету.

– Какие, к черту, решения? Мы же не занимались военным делом, не изучали его. Не знаю, как Сталин, он читает книги по 500 страниц в день, может, читал и что-то по военному искусству, и командованию армиями во время войны, но мне-то было не до этого! Партия в этом вопросе полагалась на этих говняных полководцев Красной Армии, а они, видишь, что из себя представляют... Что тут придумаешь!

– Думаю, что начать нужно с государства, – не обращая внимания на раздражение Молотова, предложил Берия. – Уже понятно, что войны «малой кровью, оглушительным ударом» не получится. Эта война потребует исключительного напряжения всех сил советского народа, а для этого все эти силы нужно сконцентрировать на ведении войны, и сделать это можно только в случае, если управление народом будет осуществляться из одного центра. Этот центр должен быть всевластным. Он должен быть и высшей законодательной властью, и исполнительной, и судебной. Как в Гражданскую войну, когда вся власть была сконцентрирована в Совете Труда и Оборона.

Если мы это не сделаем, то погрязнем в волоките, – со знанием дела констатировал Берия. – Тут и в мирное время недели проходят, пока президиум Верховного Совета простые вопросы разжует, или пока в Совнаркоме Вознесенский все свои недоумения выскажет, а что будет сейчас, когда все вопросы, которые требуют решения, страшны, и ответственность за них огромна? Нужен один центр власти со всей полнотой ответственности!

Я думаю, что его можно назвать Государственным Комитетом Оборона и организовать в составе трех человек: председатель товарищ Сталин, вы – заместитель и Ворошилов – член Комитета от армии. Кстати, Климент Ефремович ночью прилетел с фронта и сейчас у себя.

– Знаешь, Лаврентий, – немного подумав и осознав значение предложения, дополнил Молотов, – без твоей энергии и скорости поиска решений не обойтись. Ты тоже должен войти в комитет.

– Тогда нас будет четверо, голоса могут делиться. Тогда нужен и пятый, скажем, от партии. Может, товарищ Жданов?

– Вряд ли в ближайшее время его можно будет вернуть из Ленинграда. Наверное, нужно взять Маленкова. Пятеро – это не очень много, это нормально. Решения можно будет принимать и взвешенно, и быстро, – Молотов снял трубку и дал команду. – Пригласите ко мне срочно товарищей Ворошилова и Маленкова. Да, и всех замов Совнаркома, которые есть на месте.

– Ну, и Тимошенко в качестве Верховного не годится, – продолжил Берия, – чем больше будет поражений, а теперь понятно, что они будут, тем меньше армия будет ему верить. Тут нужен Сталин – человек, которому народ верит безусловно.

– Но снять Тимошенко – это выразить недоверие генералитету, а это опять подрыв авторитета генералов.

– А можно не снимать, можно реорганизовать. Сейчас у нас Ставка Главного командования, а мы ее реорганизуем в Ставку Верховного Командования, заменив в ходе этой реорганизации председателя, – тут же нашел выход из положения Берия.

– И еще нужно, чтобы Сталин стал наркомом обороны.

– Не много ли? – засомневался Берия. – И председатель ГКО, и глава правительства, и Верховный Главнокомандующий, и еще и нарком обороны. Да, еще и секретарь ЦК. Справится ли он?

– Сталин справится. Конечно, ему будет трудно, но зато у нас на всех этих направлениях будет кипеть работа и решения будут такие, какие надо.

– И вот еще что, – добавил Берия. – Нужно возродить в армии институт комиссаров, пока война не отберет нам генералов, которым народ мог бы верить.

Идея комиссаров им обоим была ясна. Комиссары появились впервые не в России, а в США, в которых Конгресс еще в XIX веке устанавливал для армии: *«Комиссар – назначенный правительством в воинскую часть чиновник, в чьи обязанности входит следить за моральным и политическим духом военных»*. И в Советской России, как только советское правительство в 1918 году начало создавать Красную Армию, то сразу выяснилось, что призванные большевиками бывшие царские офицеры и генералы предают Советы и спасибо не говорят. Поэтому практически сразу же к ним начали приставлять комиссаров – людей, верных правительству. Поскольку в то время советское правительство было коалиционным, то первые комиссары были представителями обеих правящих партий, т. е. не только большевики, но и левые эсэры. Однако после измены левых эсэров и перехода всей власти в руки большевиков комиссары, само собой, были уже только коммунистами.

Надзор за командованием был главной функцией комиссаров, второй функцией была политическая воспитательная работа, т. е. комиссары должны были убедить всех, что перед Красной Армией поставлены справедливые и нужные народу цели.

Как казалось Правительству СССР, в 1937–1938 годах армию очистили от предателей, причем чистили армию не сотрудники НКВД, а сами генералы, поскольку никакой НКВД не мог арестовать военнослужащего, если на это не давал разрешения его командир. Оставшимся генералам, проявившим себя на ниве борьбы с предателями, верили, поэтому в Правительстве СССР возникла эйфория доверия к генералам, и 12 августа 1940 года комиссары были упразднены. Технически – у конкретных комиссаров в армии была упразднена функция надзора за командным и начальствующим составом РККА и оставлена только функция воспитательной работы, в связи с чем, эти люди стали называться уже не комиссарами, а заместителями командиров по политической части.

Теперь же Берия вновь предлагал вернуть им функции надзора за командованием.

– Подожди, Лаврентий, не все сразу, давай сначала решим вопрос с ГКО, – ответил Молотов, не хотевший смешивать вместе столь сложные вопросы.

Прощенный предатель

А 1 июля 1941 года Берия вместе с Маленковым в здании ЦК проводили очную ставку Ванникова и Кагановича. Как и предполагал Сталин, никого больше Политбюро для этого не смогло выделить – все были заняты. Берия и Маленков сидели у торца длинного стола, а перед ними напротив друг друга сидели арестованный Ванников и приехавший из Казани директор авиационного завода Михаил Каганович.

– Подследственный Ванников, – сухо начал Берия, – скажите в лицо Михаилу Моисеевичу Кагановичу то, что вы сообщили следствию.

Ванников, тупо глядя в стол, бесцветным голосом начал.

– Михаил Каганович был членом нашей троцкистской организации...

– Ты что, Боря, ты что говоришь?! – ужаснулся Каганович.

– Ты был членом нашей организации, – снова подтвердил свои слова Ванников.

Ванников цеплялся, как за соломинку, за указание уже казненного Троцкого оговаривать как можно больше окружающих, дескать, всех не посадят, особенно ввиду начала войны и острой потребности СССР в специалистах.

– Сволочь! – вскипел экспансивный Каганович. – Я же за тебя в 37-м ручался, ты же у меня на квартире от Ежова тогда прятался, как же ты можешь на меня клеветать?!

– Потому и прятал, – внешне спокойноотреагировал Ванников, продолжая смотреть в стол, – что был членом нашей организации.

Каганович вскочил и через стол схватил Ванникова за горло.

– В глаза мне смотри, гад, в глаза!!

Берия оттащил Кагановича от Ванникова и вытолкнул в дверь, за которой в коридоре стоял конвоир, доставивший Ванникова с Лубянки.

– Успокойтесь, Михаил Моисеевич, успокойтесь. Перекурите пока в коридоре, погуляйте, а мы сами с ним переговорим, – Берия похлопал Кагановича по плечу, стараясь вернуть его из состояния аффекта.

Каганович прислонился к стенке и как бы обмяк. Берия взглянул на него, не зная, как быть, но потом все же вернулся в комнату, закрыв за собой дверь. Каганович с расширенными глазами и, шатаясь, сначала побрел по коридору, но затем снова прислонился к стене. Потом резко сунул руку в задний брючный карман, немного помедлил, но все же вынул из кармана браунинг и передернул затвор. К нему бросился конвоир, но Каганович успел приставить ствол к груди и выстрелить.

Из комнаты выскочили Берия и Маленков, Берия закричал конвоиру: «Вызови врача немедленно!» – а сам опустился возле Кагановича, пытаясь уложить его поудобнее. Оставшийся без присмотра из комнаты боязливо появился Ванников. Увидев, что произошло, он рухнул на колени и завыл.

– Товарищи, простите, я сволочь, я его оклеветал – он не виноват!

...На заседании Политбюро 18 марта 1946 года возникла минутная пауза – все вспоминали те, еще не очень далекие, события страшного начального периода войны, а Лазарь Каганович вспомнил, как вернулся в Москву и хоронил на Новодевичьем кладбище своего любимого старшего брата, по примеру которого и он пошел в революцию...

– А только ли товарищ Берия виноват в том, что мы не успели обезвредить Павлова, Мерецкова, Рычагова и прочих предателей? – прервал паузу Сталин. – Разве это не тогдашний нарком обороны товарищ Ворошилов повышал этих предателей в званиях и должностях? Разве не мы, коммунисты, не смогли распознать в них предателей?

– Кроме того, – добавил Молотов, – в эти страшные дни товарищ Берия сохранял самообладание и действовал энергичнее, чем кто-либо из нас.

– То, что товарищ Берия энергичен и был энергичен, этого никто отрицать не станет, – вздохнул Каганович. – Но он же был и мягкотелым тогда, когда врагов надо было уничтожать беспощадно!

– О чем это вы, Лазарь Моисеевич, о какой мягкотелости? – спросил Хрущев.

– Он знает, о какой! – пробурчал Каганович.

– Я думаю, что товарищ Каганович не может забыть, что мы простили часть предателей, – понял Сталин, что имел в виду Каганович, – скажем, того же Мерецкова, и, что товарищу Кагановичу особенно обидно, простили Ванникова и, действительно, простили по настоящему ходатайству товарища Берии.

Мы понимаем ваши чувства, товарищ Каганович, но вашего брата уже было не вернуть, а Ванников реабилитировал себя добросовестным и даже самоотверженным трудом в годы войны, – после этих слов, не получив возражений, Сталин продолжил характеристику Берии. – Война только закончилась, и, думаю, в самом деле, нет резона вспоминать, как работал товарищ Берия в годы войны.

Мы произвели больше оружия, чем вся Европа произвела для немцев, и это заслуга товарища Берии. Да и то, что самолетов мы построили больше, тоже его заслуга. И то, что Кавказ отстояли – тоже товарищ Берия. И сегодня создание атомного оружия поручили ему потому, что лучшего организатора мы не видим.

Есть еще товарищи, которые против перевода товарища Берии из кандидатов в члены Политбюро?

– Я тоже «за», – сказал Каганович. – Просто некстати вспомнилось...

Глава 3 Монблан проблем

Рабочий день

В начале июня 1946 года Берия находился в Москве и работал в своем кабинете, принимая посетителей. В этот день настроение у него было начисто испорченным после прихода Павла Судоплатова – главы разведки Спецкомитета. Судоплатов возглавлял отдел «С» Министерства государственной безопасности. Собственно МГБ в то время уже руководил В.Абакумов, но подчинялся отдел «С» непосредственно Берии, являясь одновременно 2-м бюро Спецкомитета. Такое подчинение было вызвано исключительно особой секретностью направления работы 2-го бюро – Судоплатов организовывал получение из США подробных данных об американском атомном проекте, и его агенты, и получаемая от них информация были секретны даже для руководителей МГБ.

Из США и, частично, из Англии уже были получены подробные доклады, содержащие данные об эксплуатации первых атомных реакторов в этих странах, детальные эскизы конструкции и особенности производства урановой и плутониевой бомб, данные о конструкции системы фокусирующих взрывных линз и размерах критической массы урана и плутония для взрыва ядерного устройства. Благодаря разведке мы уже знали о принципе имплозии – сфокусированном взрыве вовнутрь, соединяющем уран или плутоний в критическую массу. Имели данные о плутонии-239, о детонаторном устройстве, времени и последовательности операций по производству и сборке бомбы, и о способе приведения в действие содержащегося в ней инициатора. Были получены данные о составе заводов по очистке и разделению изотопов урана, а также дневниковые записи о первом испытательном взрыве атомной бомбы в США в июле 1945 года.

Но об этом в СССР знали считанные люди, а из ученых эти данные получал непосредственно от разведчиков, и работал с ними только Курчатов. Он же, через сотрудников Судоплатова, давал задание советским агентам в США, какие данные и из каких американских лабораторий требуется получить. В результате, все остальные советские физики-ядерщики удивлялись тому, с какой быстротой Курчатов находит решения самым сложным научным и техническим проблемам, возникавшим в ходе создания бомбы и атомной промышленности. Они не знали и не имели права знать, что хотя Курчатов и сам по себе был сильнейшим физиком, но все же большинство ответов на возникающие вопросы он запрашивал у агентов советской разведки в Америке.

Однако вместе с очередной порцией разведданных из США для Курчатова, Судоплатов принес Берии и коротенькое письмо без подписи для «советского руководителя», смысла которого сам Судоплатов не мог понять. Письмо сообщало: «Мы считаем, что к знакомству с первичной информацией, получаемой с нашей помощью, должны быть допущены некоторые лица из приведенного списка», и приводился список из восьми советских физиков-ядерщиков. Берия, взглянув на записку, помрачнел и, никак ее не откомментировав, отпустил Судоплатова.

Долго думать ему не давали подчиненные в приемной, поэтому Берия, взглянув на список вызванных на сегодня, и отметив, что Курчатов будет у него через полтора часа, поручил секретарю вызвать к нему и генерал-лейтенанта госбезопасности Мешика, заместителя начальника Первого главного управления по режиму, обязанного обеспечить секретность работы Спецкомитета. Решив доложить об этом письме Сталину после того, как сам его про-

работает, Берия на отдельном листочке бумаги выписал стоявшие в списке фамилии ученых, а само письмо спрятал в сейф и приступил к приему посетителей.

Когда Завенягин, заместитель начальника Первого главного управления (ПГУ), и Курчатов вошли в кабинет Берии, тот довольно резко говорил в телефонную трубку:

– ...Нет! Я сказал – нет! Страна еще в разрухе, тяжело всем, и вы без этого обойдетесь. Мы не будем тратить валюту, ищите замену отечественными материалами... И Вознесенский прав, что не дает! – положил трубку, встал, поздоровался за руку, пригласил сесть. – Что у вас?

Курчатов и Завенягин, услышав этот разговор по телефону, нерешительно переглянулись, и Курчатов начал.

– Понимаете, Лаврентий Павлович, для производства фильтров для диффузионного разделения изотопов нужны каркасы, а эти каркасы прядутся из очень тонкой никелевой проволоки, а чтобы получить эту проволоку, нужны фильеры. Фильер – это такая матрица с отверстием, через которое протягивается проволока...

– Я знаю, что такое фильеры, – раздраженно прервал его Берия. – Что вам нужно?

– Лучшие фильеры можно изготовить только из алмазов...

– Сколько алмазов вам необходимо?

Завенягин подал лист бумаги, Берия взглянул и вскинул брови.

– М-да! Они действительно необходимы?

– Конечно, а Вознесенский и слушать не стал.

Берия положил листок на стол и накрыл ладонью.

– Это не ваш вопрос – это мой вопрос. Я его у Вознесенского решу. Алмазы у вас будут.

– Спасибо, Лаврентий Павлович! – обрадовался Курчатов.

– За что? – пожал плечами Берия, встал, подал руку Завенягину и обратился к Курчатову. – Игорь Васильевич, на минуту задержитесь.

Пока Завенягин выходил из кабинета, Берия взял список ядерщиков, выписал из него на отдельный лист шесть фамилий и подал Курчатову.

– Игорь Васильевич, предположим, мы вам для знакомства с разведанными по атомному проекту, поступающими из США, дадим еще трех человек. Каких ученых из этого списка вы бы выбрали?

Курчатов с удивлением взглянул на Берию, а потом на список.

– Вы считаете, что я недостаточно грамотно использую данные разведки?

– Нет, дело не в этом, в вашей грамотности я не сомневаюсь, и не сомневаюсь, что из всех физиков, участвующих в проекте, только вы эту работу можете исполнить лучше всех. К сожалению, я не могу вам объяснить, зачем это надо, но я прошу выбрать троих.

– Я могу предложить лучшие кандидатуры, – сказал Курчатов, еще раз взглянув на список.

– Необходимо выбрать из этого списка, – поморщился Берия.

Курчатов взял из стакана на столе Берии карандаш и подчеркнул.

– Тогда этот, этот и этот.

– Спасибо, – Берия встал и протянул Курчатову руку, прощаясь.

В распахнутую ушедшим Курчатовым дверь тут же вошел работник аппарата Берии.

– Товарищ Берия, у меня хотя и кадровый, но довольно срочный вопрос, я позволил себе протиснуться перед Комаровским.

– Мешик уже пришел?

– Да.

– Тогда сначала пусть зайдет Мешик. Что у вас?

– У нас в аппарате замначальника 4-го отдела уезжает управляющим нефтепромыслов, на его место просится начальник отдела из аппарата товарища Вознесенского Шевелев.

Прекрасный работник, большой практический опыт, во время войны был армейским инженером, полковник. Начальник 4-го отдела очень просит его принять переводом.

– Он что – что-то натворил у Вознесенского, что просится к нам с понижением должности и оклада?

– Да нет, товарищ Берия, это прекрасный и очень серьезный и работник, и человек.

– И прекрасным людям нужны деньги и слава. Так в чем дело? – видя, что работник мнется. – Говорите прямо, у меня нет времени.

– Товарищ Берия, но это всему аппарату Совмина известно – товарищ Вознесенский очень большой хам, к нему даже министры боятся заходить. А Шевелев, как бы сказать, человек с чувством собственного достоинства, ему трудно у Николая Алексеевича. А у нас – в вашем аппарате – все работники Совмина хотят работать, поэтому, как только Шевелев узнал, что у нас вакансия, он тут же заявление и принес, несмотря на понижение в должности.

– М-да... – поморщился Берия. – Вы меня с Вознесенским окончательно поссорите: они с Молотовым уже жаловались товарищу Сталину, что я у них работников сманиваю. Ну, хорошо, дождитесь вечером, когда я освобожусь, и заходите вместе с этим Шевелевым и начальником 4-го отдела. А сейчас пусть Мешик зайдет.

Вошел Мешик, и Берия несколько замялся, не зная как начать разговор так, чтобы и Мешик осмысленно работал, и, в то же время, не говорить Мешику всего.

– У нас, Павел Яковлевич, утечка информации и пока непонятно откуда. Есть данные, что американцы знают пофамильно наших физиков, работающих в Спецкомитете.

– Кого именно?

Берия протянул ему полный список на восемь фамилий, Мешик внимательно его просмотрел и сразу же заметил.

– Тут двое у нас не работают.

– Здесь одно из двух: или их шпион сидит не у нас в Спецкомитете и пользуется только безответственной болтовней наших работников в пьяных компаниях вне службы, или...

– ...или американцы нас дурят, специально подбросив двух не наших, чтобы мы думали, что в Спецкомитете их шпиона нет? – закончил мысль Мешик.

– Вот именно!

– Да тут, похоже, одни евреи! – удивился Мешик, присмотревшись к списку внимательней.

– Да, и это тоже характерно. Нужно плотно и негласно этими людьми заняться – с кем встречаются, о чем болтают? Сами они могут и не догадываться, что работают у американцев источниками информации. Их-то могут использовать втемную, а вот того, кто использует, надо найти. Обязательно!

– Сейчас же этим займемся.

Мешика сменили член Спецкомитета, отвечающий за строительство, Комаровский, и начальник строительства завода по разделению изотопов урана Петросьянц. Комаровский поздоровался с Берией и представил ему Петросьянца.

– Начальник 8-го управления ПТУ, отвечающего за строительство газодиффузионного завода – комбината «813». Это он подготовил заявку на обеспечение строительства материалами.

Берия сел, вынул из пачки бумаг толстую папку заявки, пролистал ее, положил перед собой и посмотрел на Петросьянца.

– Товарищ Петросьянц, вы читали, что на вашей заявке написали отделы Спецкомитета и Госплана?

– Нет, товарищ Берия.

Берия прочел некоторые резолюции отделов на первой странице в папке и на приложенных к папке листах.

– К примеру. «Пункты 8, 11 и со 116 по 131 совершенно лишние» или «пункты 46, 47 и 154– невыполнимы» и даже такая: «Этот Петросьянц считает, что мы уже построили коммунизм». Товарищ Петросьянц, а почему вы не включили в свою заявку птичье молоко?

Петросьянц, впервые попав к Берии и не зная его характера, взволнованно запротестовал.

– Товарищ Берия, комбинату 813 все это необходимо!

Берия некоторое время задумчиво смотрел на Петросьянца, потом показал на папку заявки.

– Все включили? Ничего не забыли?

– Кажется, нет.

– Хорошо, вы все получите.

Это были последние посетители на сегодня, и Берия позвонил, чтобы договориться о встрече со Сталиным, но тот был пока занят. И Берия в мыслях вернулся к тому, что предшествовало получению сегодняшнего письма.

Тайные союзники

Гитлеровцы были расистами – они считали арийцев, в первую очередь, себя, высшей расой. И евреи, из тех, кто был объединен сионизмом, тоже расисты, и тоже считают себя даже не высшей, а богоизбранной нацией. Гитлер собирался создать Третий рейх – империю немцев – на территориях СССР, а сионисты хотели создать свою метрополию – Израиль – в Палестине. У Гитлера и сионистов не было спорных вопросов. И они нуждались друг в друге: Гитлеру нужно было благосклонное отношение мировой прессы к своим планам, и эта пресса была в руках сионистов, а сионистам Гитлер был необходим, чтобы насильно перевезти европейских евреев в будущий Израиль, поскольку добровольно заселять Палестину европейские евреи не хотели. Кроме того, Палестина находилась в руках англичан, которые на создание Израиля в Палестине смотрели отрицательно. Союз Гитлера и сионистов не мог не сложиться, и он тайно оформился еще до войны, хотя формально сионисты, базирующиеся в США, как бы поддерживали Соединенные Штаты в войне с немцами.

Советский Союз почувствовал силу этого союза Гитлера с сионистами, когда узнал к концу 1941 года, что немцы уничтожают евреев на оккупированных территориях СССР, и начал сообщать об этом всему миру. Казалось бы, сионисты должны были тут же поддержать СССР, но они и их газеты, вместо этого, объявили эти массовые убийства большевистской пропагандой. Это было время наивысших немецких побед – в это время немецкие войска под командованием генерала Роммеля успешно наступали в Африке и скоро должны были освободить Палестину от англичан, чтобы начать перевозку туда уже собранных в гетто европейских евреев, а на востоке немецкие войска успешно наступали в России.

Однако к началу 1942 года немецкая армия потерпела жестокие поражения под Москвой и Ростовом, не сумела взять Ленинград, а в Африке англичане задержали немцев в Египте. Кроме того, в связи с нападением Японии на США американцам объявил войну и Гитлер, в связи с чем, СССР и Соединенные Штаты стали союзниками.

Для сионистов стало ясно, что Гитлер войну не выиграет, Палестину не освободит и европейских евреев туда не переселит. Сионистам нужно было думать о будущем, и они решили предать Гитлера и убедить Советский Союз помочь им после войны создать Израиль в Палестине.

В начале 1942 года президент США Рузвельт стал настойчиво предлагать Сталину пригласить в США Молотова для переговоров якобы по поводу открытия второго фронта против немцев в Европе в 1943 году, что было очевидно невозможным делом. Сталин недоумевал, зачем нужен этот полет Молотова в США, и тогда Рузвельт поручил послу США в СССР Стэндли устно объяснить Сталину, что в мае в Нью-Йорке пройдет всемирный сионистский конгресс (он проходил в гостинице «Балтимор», поэтому впоследствии был назван «балтиморским»), и Молотову очень важно заключить с сионистами тайное и устное соглашение. Политические партии, составлявшие сионистское движение, в большинстве своем были социалистическими, поэтому были все основания полагать, что Израиль сможет стать оплотом коммунизма на Ближнем востоке. Соответственно, у Сталина и Молотова не было неприятия мысли о помощи в организации социалистического государства, а союз с сионистами в тот момент был крайне необходим. И в мае 1942 года Молотов слетал в США и заключил с ними тайное соглашение, а впоследствии, уже в 1943 году, в Палестину съездил видный советский дипломат, еврей по национальности, Майский, и подтвердил это соглашение будущему первому премьер-министру Израиля Бен-Гуриону.

Союз с сионистами дал немедленный результат.

Тон мировой прессы резко изменился в пользу СССР.

Еще весной 1941 года, когда воюющая Англия уже не имела денег расплачиваться с Соединенными Штатами за поставки оружия, в США был принят закон о ленд-лизе, по которому дружественным США странам оружие не продавалось, а давалось в аренду на время войны. Но на СССР этот закон не распространялся и СССР вынужден был платить за поставки оружия из США золотом. Но как только Молотов дал согласие на послевоенную помощь в создании Израиля, еврейское лобби в Конгрессе США тут же решило этот вопрос, более того, почти половину ленд-лиза в СССР составляли поставки не оружия, а продовольствия и оборудования заводов и фабрик двойного назначения – по производству высокооктанового бензина, автомобильных покрышек, ткацкие производства и т. п.

А в 1943 году руководитель американского атомного проекта генерал Гровс по указанию сионистов и вопреки протестам должностных лиц США, назначает руководителем научных исследований по атомной бомбе прокоммунистически настроенного физика Оппенгеймера и дает ему возможность привлечь к работам по атомной бомбе советского разведчика физика Фукса и ряд других физиков, также являвшихся агентами советской разведки. В СССР потоком потекла информация об атомном проекте американцев.

Всего этого даже Судоплатов не знал и полагал, что информацию в СССР поставляют подпольные коммунисты США. Вообще-то это так и было, но главным было другое – все эти советские агенты в атомном проекте США были евреями, и помимо работы на коммунизм, они работали и на сионистов, и по их заданию, причем, именно сионисты (еврейское лобби Америки) обеспечивали им защиту от разоблачения их шпионской деятельности.

Поэтому Судоплатов и не понял текста полученной записки, а Берия это короткое и безапелляционное указание сионистов привело в ярость – как смеют эти наглецы что-либо указывать им, советским руководителям!! Более того, подумав, зачем это надо сионистам, Берия еще больше возмутился. Ведь все указанные в списке советские физики-евреи и так получали всю необходимую им для работы информацию, поступающую из США. Но получали ее не прямо, а от Курчатова. А сионисты в США, видишь ли, пришли к выводу, что в СССР не русские, а евреи должны числиться в великих ученых, посему в первую голову советские евреи должны получать украденную у США информацию, и выдавать ее за плоды своего ума. То есть, сионисты нагло требовали в многонациональном СССР предоставить евреям особый статус.

Однако, немного успокоившись, Берия ощутил свою беспомощность, и от этой беспомощности его настроение начисто испортилось. Ведь сионисты, еще не провозгласив Израиль и по-прежнему нуждаясь в помощи СССР, со своей стороны четко выполняли все обязательства тайного соглашения. Сейчас они, по сути, просят пустяк, как им в этом пустяке отказать?

В это время позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сообщил, что товарищ Сталин уже освобожден и ждет Лаврентия Павловича.

Берия обрисовал Сталину ситуацию и свое видение ее, добавив:

– Если бы у этих сионистов был вождь как вы или хотя бы, как Черчилль, чтобы мы знали с кем разговаривать, чтобы у них был хоть кто-то, кто нес бы настоящую ответственность за все, что делает каждый отдельный член организации. А то ведь там дикая смесь кого попало – от мракобесных раввинов до чуть ли не коммунистов, с их идеями еврейских сельских коммун – киббуцев. Только когда интересы всех совпадают, сионисты действуют все вместе, согласовано, а в остальных случаях у них же каждый еврей это гений, и не только по отношению к неевреям, но и по отношению друг к другу. У них же нет не только вождей, но и просто авторитетов. Ну, откажем мы им, а какой-нибудь умный раввин обидится и донесет в ФБР, и всех наших агентов арестуют, что будем делать? На данном этапе лишиться информации из США мы не можем. Придется им уступить, – после паузы подытожил Берия.

Сталин задумался в поиске решения и, чтобы не затягивать молчание, спросил.

– Поиск их шпионов уже занялись?

– Я что, товарищ Сталин, заслужил, чтобы мне напоминали о таких делах? Но это же евреи, вы представляете, какие у них связи, да и этот Еврейский антифашистский комитет уже не поймешь чей – наш или американский. Надо, товарищ Сталин, закрыть эту лавочку с еврейскими антифашистами...

– ...и какой-нибудь умный раввин тут же обидится и донесет в ФБР на наших агентов? – быстро дополнил Берия Сталин. – Кого персонально из наших евреев-физиков ты предлагаешь допустить к первичной информации?

– Курчатов из их списка выбрал Алиханова, Кикоина и Харитона.

– Ты посвятил Курчатова в курс дела?

– Нет, он не знает, почему я предложил ему сделать этот выбор.

– Это лучшие наши физики? – поинтересовался Сталин?

– Это лучшие из тех, кто был в их списке.

– А что ты о них думаешь?

– Это все те же пресловутые теоретики.

– Ну, ты не прав, теории в любом деле необходимы.

– Лучшие и самые точные теории создают только практики, поскольку они понимают, о чем теоретизируют, – упрямо не согласился Берия. – А вы возьмите двух из этих теоретиков, означенных в списке, – Харитона и Зельдовича.

Получать плутоний можно либо в реакторе с замедлением нейтронов графитом, либо в реакторе с замедлением их тяжелой водой. Так вот, у нас именно Харитон с Зельдовичем создали выдающуюся теорию, провели расчет и доказали, что реакторы на тяжелой воде невозможны. И мы начали заниматься этим типом реакторов только после того, как узнали, что американцы их уже эксплуатируют.

Вот вам и вся необходимость теории и теоретиков.

– М-да... – протянул Сталин. – Ну, черт с ними, – допускай их к информации. Сами ничего придумать не могут, может, хоть повторят без ошибок находки американских ученых.

Вождь

Летом 1946 года Сталин позволил себе ненадолго съездить на отдых в Сочи, а вскоре вызвал к себе для разговора Берия. Был солнечный и жаркий день, Берия в белых брюках, рубашке и шляпе, обутый в сандалии ожидал Сталина у ступенек его дачи, слушая жалобу телохранителя вождя.

– Дача плохо защищена, и вчера мы, сопровождая товарища Сталина к берегу моря, наткнулись на двух девочек из Сочи, лет по десяти, собиравших грибы на территории дачи. Причем, девочки пролезли сквозь изгородь из колючей проволоки «не зацепившись» и не заметив, что они зашли на охраняемый участок. Сталин, естественно, распорядился дать девочкам собрать грибы и отправить их на машине домой, но такая изгородь вокруг места отдыха главы государства, – это непорядок! – возмущался приехавший вместе со Сталиным из Москвы телохранитель (их в то время называли «прикрепленными»). – И вообще, товарищ Берия, нас мало. Мы же из Москвы до Харькова ехали на трех машинах, по дороге товарищ Сталин все время выходил и пешком осматривал деревни, разрушенные кварталы в Курске и Орле. Ходит по улицам, за ним толпа немедленно собирается, женщины на шею вешаются, а нас всего восемь! Ведь никакого внешнего оцепления такими силами не организуешь.

А здесь, в Сочи? – продолжал жаловаться телохранитель. – Выедем в город вроде на машине, а он выйдет и пойдет по улице пешком. Как позицию занять? Вот и идем: один спереди, двое сзади, и четвертый идет по противоположной стороне и просит людей не перебежать через дорогу навстречу товарищу Сталину. Да разве всех уговоришь?!

Вчера поехали в порт, от проходной пошли к причалу. Там разгружался теплоход «Ворошилов», и товарищ Сталин долго смотрел на разгрузку, между прочим, теплоход ему не понравился – он нашел его неуклюжим. Возвращаемся к машинам, а у проходной уже собралась большущая толпа отдыхающих. Ведь всем охота посмотреть на вождя, убедиться, правда ли, что товарищ Сталин вот так просто гуляет по порту. Подходим к машинам, думаем, что вот наконец, обеспечим безопасность, а товарищ Сталин открывает дверцу и приглашает прокатиться с нами сбежавшуюся ребятню. Поехали на «Ривьеру», там было открытое кафе, зашли туда, усадили ребят за столики, но получилось то же, что в порту. Отдыхающие окружили, и среди них было много детей. Он еще и их всех приглашает на лимонад, да еще я по его распоряжению принес из буфета большую вазу конфет, и товарищ Сталин начал угощать детей конфетами. Это в такой-то толпе! А нас всего четверо! Ну, а если враги об этом узнают, ну что стоит выстрелить из толпы, как Каплан в товарища Ленина?!

Берия слушал, и ему это тоже не нравилось. Но что он мог сделать? Заикнись об этом Сталину, и Сталин обругает. Он и в Москве, намечая планы ее реконструкции и интересуясь строительством, ходил точно так же. Причем, собирающаяся толпа ему мешала, он пытался уговорить ее разойтись, а потом стал осматривать подлежащие реконструкции районы ночью, но и это не спасало – народ как-то узнавал его и все равно тянулся за ним хвостом. Причем, Сталин не делал из этого ни малейшей рекламы, никогда с ним не было не только кинооператоров или фотографов, но и просто журналистов.

Однако сама мысль о том, что кто-то, какая-то охрана, отделит его от народа, была для Сталина оскорбительной и унижительной. Он скорее бы согласился быть убитым, чем подать кому-либо мысль, что он боится народа, ради которого живет.

Берия уважал Сталина безмерно – он восхищался умом, самоотверженностью и волей этого человека, отдающего всю свою жизнь без остатка советскому народу. Недавно Берия прочел сообщение из Англии, что бывший министр иностранных дел Британской империи Энтони Иден сказал, что если бы можно было представить ситуацию, в которой планеты

Солнечной системы проводили бы переговоры, и каждая из них должна была бы быть представлена одним только ее представителем, то от планеты Земля должен быть делегирован Сталин. Поскольку Иден не знает другого человека, который бы мог лучшим образом защитить интересы населения нашей планеты. С этим мнением британского государственного деятеля Берия был абсолютно согласен.

В то же время Берия знал, что Сталина тяготит и то безудержное восхищение, которое искренне высказывает к нему народ, и, тем более, то славословие, которое льют на него партийно-государственные чиновники. С одной стороны Сталин понимал, что для объединения народа в единую семью такое восхваление вождя необходимо, но, с другой стороны, оно его коробило.

В начале 30-х Берия, тогда первый секретарь компартии Грузии, приезжал на эту же дачу к Сталину решать подоспевшие вопросы. А Сталин отдыхал вместе с С.М. Кировым, с которым они были близкими друзьями. И Берия удивился, когда Киров, просматривая передовицу в «Правде», начал иронизировать и над писателями, называвшими Сталина «великим вождем всех времен и народов», и над самим Сталиным. «Слушай, – говорил Киров, – ты не подскажешь, ты образованней меня, чей ты еще великий вождь? Кроме времен и народов что еще на свете бывает?» А Сталин, смеясь и поддерживая шутку, называл Кирова «любимый вождь ленинградского пролетариата». И тоже подтрунивал: «Ага, кажется, не только ленинградского, а еще и бакинского пролетариата, наверное, всего северо-кавказского. Подожди, напомни, чей ты еще любимый вождь? Ты что думаешь, у меня семь пядей во лбу? У меня голова – не дом Совнаркома, чтобы знать все, чьим ты был любимым вождем». И то, что Сталин к своему восхвалению относился безразлично, вызывало у Берии еще большее уважение.

Разговор Берии с телохранителем прервал спускавшийся по ступенькам Сталин, одетый так же, как и Берия, но в мягких сапогах и белой штатской фуражке. В руках у Сталина была тонкая папка. Берия поздоровался и они по длинной тропинке, разговаривая, двинулись к морю. Сталин был по рождению горец, плавать не умел, и купаться в море не любил, но любил посидеть на берегу, вдыхая морской воздух и глядя на волны.

– На пламя огня и текущую воду можно смотреть бесконечно, – как-то сказал он Берии.

У моря Сталин и Берия сели недалеко от воды под деревянный грибок, телохранители расположились метрах в 50, прикрывая их с флангов и с тыла, и Сталин продолжил начатый разговор.

– Не подумал ли ты случайно, Лаврентий, что я вызвал тебя в Сочи отдыхать? – шутливо спросил Сталин, заметив, что Берия вопросительно смотрит на папку в его руках. – Нет, дорогой, нам надо поработать, и вызвал я тебя, к сожалению, не для того, чтобы от работы разгрузить.

По каналам, скажем так, прорытым Молотовым в 1942 году и расширенным Майским в 1943-м, – давай называть их тем, чем они есть – по еврейским каналам, по каналам сионистов, – не только ты получаешь разведанные об американском атомном проекте, но и я получаю кое-какие сведения о планах мистера Трумэна.

И сведения, надо сказать, неутешительные. Эти сукины дети все же интенсивно готовят планы войны с нами, разумеется, с применением атомных бомб. С одной стороны, можно было бы и не обращать внимания на эти планы – раз есть генералы, то они обязаны готовить планы войны, чтобы никакая война не застала их врасплох. Но, с другой стороны, американцы категорически отвергают и наши предложения, и саму мысль о запрещении атомного оружия, и они его энергично накапливают, несмотря на то, что и им оно стоит невероятно дорого. Ведь тут, понимаешь, если атомные бомбы не использовать, то нет смысла их копить, а они копят.

Ну и цели, конечно, наметили – бомбить будут там, где больше людей. На Москву определили 8 бомб, на Ленинград – 8, ну и на остальные наши города соответственно. Считают, что для первого удара по СССР им нужно 133 бомбы, а потом еще 70. Вот накопят они эти 200 бомб – что будут делать?

Остановить их может только одно – знание, что и у нас этих бомб не менее сотни.

Насколько ты вник в вопросы создания атомной бомбы, на каком этапе мы находимся? Вводи меня в курс дела, можешь не спешить, но и ненужных мне подробностей не надо.

Технические проблемы

Берия удивился, – Сталин был в курсе всех дел атомного проекта.

– Я не взял никаких данных...

– А это и хорошо, что не взял, что ты знаешь – то и я буду знать. Опиши мне сначала принципиальные трудности.

Вопрос немного удивил Берия, поскольку Сталин знал удивительно много, и Берия имел основания полагать, что о научной сути атомной проблемы Сталин знает больше его. Дело в том, что Сталин был исключительно образован. Тут Берия сам себе усмехнулся, вспомнив Вознесенского, любившего всякие дипломы и чрезвычайно гордившегося наличием этих формальных признаков образованности. Но штука-то в том, что все знания при желании можно получить самому, без вуза, и еще бабушка надвое сказала, что эффективнее. Ведь что такое это самое «европейское университетское» образование? Это знание (о понимании и речи нет) того, что написано менее чем в 100 книгах под названием «учебники», книгах, по которым учителя ведут уроки, а профессора читают лекции.

А, начиная с ранней юности, со школы и семинарии, Сталин, возможно, как никто стремился узнать все и читал очень много. Даже не читал, а изучал то, что написано в книгах. В юности, беря книги в платной библиотеке, они с товарищем их просто переписывали, чтобы иметь для изучения свой экземпляр. Книги сопровождали Сталина везде и всегда. Берия знал, что до середины Гражданской войны у Сталина в Москве не было в личном пользовании даже комнаты – он был все время в командировках на фронтах – и Сталина отсутствие жилплощади не беспокоило. Но с ним непрерывно следовали книги, количество которых он все время увеличивал.

Сталин не был коллекционером книг – он их не собирал, а отбирал, т. е. в его библиотеке были только те книги, которые он предполагал как-то использовать в дальнейшем. Но даже те книги, что он отобрал, учесть трудно. В его кремлевской квартире библиотека насчитывала, по оценке Берии, который в ней часто бывал, несколько десятков тысяч томов. Это были книги, которые Сталин прочел, но часть этих книг он изучил с карандашом в руке, причем, не только подчеркивая и помечая нужный текст, но и маркируя его системой помет, надписей и комментариев с тем, чтобы при необходимости было легко найти нужное место в тексте книги – легко вспомнить, чем оно Сталина заинтересовало, какие мысли ему пришли в голову при первом прочтении. И таких книг с его пометами, по прикидочной оценке Берии, было около 5,5 тысячи! По этому признаку Сталин имел сотни «лучших европейских образований».

Все это промелькнуло в мозгу Берии, и он понял, что Сталин просто хочет согласовать свои знания в этом вопросе со знаниями Берии, чтобы у них были одинаковые данные для оценки обстановки.

– Хорошо, – ответил Берия. – Я начну сначала, а вы не перебивайте, даже если вы это знаете, чтобы я был уверен, что вы будете знать то, что и я.

По сегодняшним представлениям о строении атома, он состоит из ядра, заряженного положительно, и вращающихся вокруг этого ядра электронов – почти невесомых частичек, заряженных отрицательно. А ядро состоит из частичек, заряженных положительно – протонов, и нейтральных частичек, таких же по весу, как и протоны, – нейтронов.

Чтобы было легче это понять, я представляю себе ядро атома в виде ягоды малины – она ведь тоже кругленькая, а сама состоит из кругленьких частичек, ботаники называют их костянками, а я именно так представляю себе протоны и нейтроны.

Количество протонов определяет вид химического элемента. Если у химического элемента в ядре один протон, то это химический элемент водород, если два – то гелий, если

три – то литий и так далее. А вот нейтронов в ядре может быть разное количество, и получается, что может быть один и тот же химический элемент, но с разным весом атома. Такие разновидности называются изотопами. Например, если в ядре атома водорода вообще нет нейтрона, то это просто водород, а если, кроме протона, есть и нейтрон, то это изотоп водорода и называется он дейтерий, а если два нейтрона, то это тритий. Впрочем, это только изотопам водорода дали собственные имена, у остальных элементов они различаются по сумме протонов и нейтронов в ядре, в общем смысле – по атомному весу.

Так вот, у некоторых химических элементов есть изотопы с особыми свойствами. Если по ядру этого изотопа ударить нейтроном, то его ядро развалится на две части с выделением очень большого количества энергии, мало этого, из ядра вылетят еще несколько нейтронов, которые ударят по соседним ядрам, а те тоже развалятся. Это называется цепной реакцией, и в результате ее ядра некоторого объема вещества могут разделиться в миллионные доли секунды, а выделившаяся энергия будет огромна. Произойдет взрыв огромнейшей силы.

Между прочим, эту реакцию можно и замедлить, тогда выделяемую энергию можно будет использовать для получения, скажем, электроэнергии.

Химических элементов, которые могли бы служить взрывчаткой для атомной бомбы, на сегодня известны два. Во-первых, это изотоп урана с весом 235 атомных единиц, то есть такой, в ядре которого находится 92 протона и 143 нейтрона. Такой уран в природе есть, и, значит, мы его можем получить прямо из природы. Второй химический элемент, который можно использовать для атомной бомбы, это плутоний. У него в ядре 94 протона и 145 нейтронов. Плутония в природе нет, и его надо получать искусственно.

Предположим, что у нас уже есть и уран-235, и плутоний в нужном для бомбы количестве, и тут возникает масса вопросов, которые неизвестны. Начиная с того, каковы свойства урана и плутония – можно ли их обрабатывать, скажем, ковать. Не агрессивны ли они, не разлагаются ли в порошок при хранении, сколько надо урана и плутония, чтобы произошел атомный взрыв, как соединить в бомбе атомную взрывчатку, чтобы произошел все-таки взрыв, а не просто разброс этой атомной взрывчатки в разные стороны от выделения тепла. Конструирование атомной бомбы – это вопрос огромнейшей сложности.

Но вся эта сложность – это чепуха, понимаете, товарищ Сталин, – чепуха по сравнению с теми сложностями, которые предстоят при получении урана-235 и плутония. Вот эта работа – упаси господь! Не знаешь даже, с чего начать.

Начну с того, что запасы урана у нас практически не разведаны, на сегодня наши запасы урана – 370 тонн, и даже Курчатову исследования начинать пока не с чем. Ищем уран по всему СССР и Европе, кое-что взяли трофеями в Германии, думаю, что нужные 50 тонн для него все же найдем, и к концу года Курчатов сумеет запустить хотя бы опытный реактор. Но это опытный реактор, на нем плутония для атомной бомбы не наработаешь.

Но вернусь к руде. В природе уран находится в основном в виде урана-238, изотопа уран-235 в этом природном уране всего 0,711 % от всего урана. Правда, для работы реактора – для наработки нужного для бомбы количества плутония, и эта смесь годится, главное добыть хотя бы этот уран.

А тут такое положение: в собственно урановой руде – в том, что геологи называют урановой рудой, – урана в лучшем случае 2 килограмма в тонне, а, судя по всему, вскоре нам придется перерабатывать и руды с содержанием 200 граммов урана в тонне. Но чтобы добыть эту руду, надо перелопатить пустую породу. Как мы оцениваем, для получения 1 тонны металлического урана нам придется добыть и переработать 100–120 тысяч тонн различных минералов. Тонна урана занимает объем чуть больше, чем бочонок в 50 литров, а чтобы эту тонну получить, нужно переработать 2000 полностью груженых железнодорожных вагонов сырья! Представляете?

Но даже эта тонна такого урана прямо для бомбы не годится. Этот уран нужно либо грузить в ядерный реактор для получения плутония, либо извлекать из него те 0,711 % изотопа уран-235. И вот тут проблемы только нарастают.

Ну, начнем с того, что для управления реакцией получения плутония из урана-238 в реакторе, в промышленный реактор нужно загрузить примерно 150 тонн урана и не менее 1000 тонн блоков из чистейшего графита. Графит и алмаз – это химический элемент углерод, так вот, графит для реактора должен быть по примесям чище, чем чистейшей воды алмаз. Как такой графит получать в таких количествах, тоже пока неизвестно.

Графит замедляет нейтроны, но их можно замедлить и с помощью тяжелой воды – это вода, в молекуле которой вместо двух атомов водорода два атома дейтерия. Такие реакторы будут даже экономичнее графитовых, поскольку потребуют меньше урана для своей работы. (Хотя они будут более опасными). Но на сегодня производство тяжелой воды – это совершенно нерешенная проблема, и даже, по нашим прикидкам, более тяжелая проблема, нежели получение чистого графита. Поэтому, думаю, мы сначала начнем получать плутоний в реакторах с графитом.

Такой реактор для получения плутония будет работать месяца три, только после этого в урановых брикетах в этом реакторе накопится плутоний в мало-мальски достаточных количествах. Эти урановые брикеты нужно будет извлечь из реактора, растворить, выделить из урана плутоний (пока неизвестно как), и вот уже этот плутоний, после пока неясной его обработки, можно будет использовать для создания атомной бомбы.

– Прервись, сколько плутония будет в уране после трех месяцев работы промышленного реактора? – спросил Сталин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.